

А.А. Рази

ОЧЕРКИ КИНОЛОГИИ
к реформе полевых испытаний

ПРЕДИСЛОВИЕ

Переиздаваемые впервые после их публикации в 1929 году "Очерки кинологии" А.А. Рази, открывают для современного читателя любопытную страничку истории отечественного собаководства - время становления правовой базы института испытаний охотничьих собак на заре Советской эпохи. Но вот уже минуло десять лет после краха надежд на Светлое будущее, и мы, круто повернув на 180 градусов, снова "пляшем от печки", теперь под фанфары Рыночной экономики. Много воды утекло с тех пор, как написаны "Очерки", но в бурном потоке событий охота и все связанное с ней не исчезли из нашей жизни, и вопросы охотничьего собаководства нас волнуют сегодня не меньше, чем наших предшественников в начале, уже прошлого, столетия.

Редакция взяла на себя смелость прокомментировать труд Рази (чтобы читателю стала понятней связь, поставленных автором "Очерков", вопросов с сегодняшним положением в нашем охотничьем собаководстве) и во второй части книжки предложить на суд широкой аудитории охотников-собаководов, а не только узкого круга специалистов, проект новой редакции Правил испытаний легавых собак.

Для удобства читателей, но вопреки традиции, в самом начале, а не в конце, дается объяснение некоторым терминам, уже не употребляемым или употребляемым в другом значении.

Жрецы, оракулы, пророки, первосвященники, неофиты и др. - Рази широко пользуется метафорой и часто прибегает к легендам, притчам, фактам и персонажам из Древней Истории, Ветхого и Нового Заветов, Средневековья и более поздней истории, классической литературы, искусства и науки. (Любознательный читатель все это может найти в первоисточниках).

Научный экспериментальный метод - нужна конкретика, но, к сожалению, у автора "Очерков" ее нет.

Плеоназм (от греческого *pleonasmus*) - излишество. Материальное право (материальное содержание института испытаний) - точные формулировки понятий основных полевых признаков (элементов работы легавых собак), подвергающихся экспертизе.

Фильд-трайльсы - у Рази, как любой способ испытаний, лишенный научно-объективных приемов исследования.

Аппель (апеллистось-позывистость) - охотное выполнение команды "ко мне" и, вообще, охотное выполнение собакой любых команд ведущего.

Острое, резкое, дальнее обоняние или **"сила обоняния"** - эти термины у Рази относятся к первому, физиологическому элементу чутья, т.е. к "дальности". Очевидно, в то время кинологи еще не пришли к единой четкой терминологии.

Стойка (по Рази) - "средство указания и задержки дичи". (Средство указания - да, а вот задержки – вряд ли). У Р.Ф. Гернгросса почти то же, но несколько шире: "Стойкой признается неподвижная, сосредоточенная остановка собаки на ходу с замиранием, по направлению к сидящей затаившейся или приостановившейся на бегу дичи, соединенная со страстным стремлением задержать птицу на месте. В стойке ценится ее твердость, т.е. отсутствие движения, страстность, напряженность и неизменность позы, застывшей собаки".

Здесь смешаны и расцениваются в одной графе несколько признаков: функциональный, породный, эстетический и экстрасенсорный. В графе же "стиль и красота работы", кроме общих туманных сентенций, никакой конкретики. В комментариях к своим Правилам Гернгросс употребляет термин "стойка штопором", и это все, что касается стиля.

"Твердая" или "мертвая" стойка - в одном месте у Рази это синонимы, а в другом - под "твердой" стойкой он имеет в виду то, что мы сегодня обозначаем термином "напряженная" стойка и расцениваем в графе "стиль", солидаризуясь в этом с автором "Очерков". "Мертвая стойка", в связи с "тугой" подводкой, и у Рази и сегодня трактуется одинаково.

Курульные эдилы - в Древнем Риме два помощника народных трибунов, выбирались на год; занимались устройством игр, надзирали за строительством и содержанием храмов, водопроводов, за работой рынков и чистотой в городе, проводили раздачу хлеба гражданам и др. Остальные комментарии, как и принято, даны в конце "Очерков".

ГЛАВА I.

Страницы истории наших дней будущий ученый, несомненно, назовет эпохой великих открытий. Революция в науке - характернейшая черта нашего времени. В области физики, этой точнейшей из точных наук, произошла полная переоценка ценностей. Теория относительности Эйнштейна - Ньютона XX столетия, работы Планка, Бора, Перрэнна и других ученых видоизменили существо наших знаний о строении вселенной и вещества. Химия, физиология и биология гигантскими шагами идут вперед, вырывая у природы одну тайну за другой. Даже такая отвлеченная наука, как философия, и та подверглась операции в духе материалистического понимания.

Новое вино, крепкое и молодое, вливается в старые меха, на благо цивилизации.

И вот в это удивительное время, когда человеческий гений торжествует, сумев, по образным словам Уайльда, "измерить бег луны" и бросить на чашу весов солнце", кинология, к нашему стыду, пребывает в первобытной стадии культуры.

По кинологическому храму, полному схоластической пыли и паутины, бродят длиннобородые жрецы, охраняющие со всем высокомерием курульных эдилов ортодоксальные заветы старины.

Все эти охотничьи иовы-Аввакумы с исключительным упорством продолжают писать слово Иисус - через десятичное "и".

Время умеет мстить... Пройдет немного лет и они сами будут свидетелями крушения их идей.

Ньютон говорил: "Я стою на берегу океана вселенной, хранящего на дне своем неисчислимое количество тайн". Этой скромностью великого ученого, к сожалению, не отличаются наши кинологические пророки.

Знания они заменяют проповедью. Они не разъясняют, а "вещают". В кинологии для них нет никаких тайн. Все ясно и просто, как Колумбово яйцо. Они давно открыли Америку, но кинологическое яйцо продолжают бить с одной стороны, не понимая, что существуют и другие способы... очистить яйцо от скорлупы.

Когда какой-нибудь неофит начинает "вопрошать" такого пророка, "Юпитер сердится", ибо с его точки зрения головы учеников должны представлять из себя чулан, куда он будет складывать свои "преданья" впрок, как добрая хозяйка соленья.

Критика ими принципиально отвергается. Их "вещания" должны приниматься на веру, как откровения. Наш реалистический век - жестокое время... Никто, кроме кинологов, не пытается пользоваться метафизикой, мирно находящейся на дне мусорного ящика истории. Молодое поколение ничего не желает принимать на веру и, подобно Фоме Неверующему, в каждом сомнительном случае пытается вложить персты свои в раны эксперимента.

Глубина знаний измеряется не длиной бороды пророка, а научно поставленным опытом.

Доказать необходимость такого опытного познания полевых качеств собаки и составляет предмет моего труда.

Современную кинологию нельзя мыслить без выставок и полевых испытаний. Эти два института являются как бы крайними точками той оси, вокруг которой вращается вся эта отрасль знания.

Выставки и полевые испытания - две стороны единой полноценной кинологической монеты, без существования которых невозможен прогресс в собаководстве.

Однако, кинологи в этом, казалось бы, бесспорном положении не все единодушны. В зимний долгий вечер, когда охотничий сезон закончился, ружье мирно отдыхает в чехле и мысли наши невольно тянутся к литературе, переверните несколько десятков пожелтевших страниц старых журналов и вы убедитесь, что я прав...

Кинологическая палитра разногласий вмещает в себе все краски радуги. Клавиатура мыслей по этим двум кардинальным вопросам не менее восьми октав, при чем каждый из авторов, кому редакция гостеприимно предоставила страницы своего журнала для кинологических упражнений, считает себя виртуозом рояля.

По вопросу о значении первого института мы имеем парадоксальное мнение М. Д. Менделеевой, выбросившей боевой лозунг - "без выставок". В талантливом пафосе она клянется Аркрайтом и утверждает, что с 1859 года, т.е. со времени открытия первой выставки собак в Англии, был вбит последний гвоздь в крышку гроба полевой подружейной собаки. Известные упреки Аркрайта по адресу Кеннель-Клуба, который назывался им похоронным бюро полевых собак, послужили Менделеевой доказательством правильности ее лозунга.

Вверх от этого парадокса идет целая лестница мнений, завершающаяся фимиамом ревностных фанатиков выставок.

Ту же самую картину мы имеем и в отношении полевых испытаний. Правда, стопроцентных отрицателей испытаний немного, но зато критиков и реформаторов, так сказать, Мартынов Лютеров собаководства, во всяком случае больше, чем этого требует польза дела.

За исключением тех, которые раз в жизни своей, ударив по клавишам, почему-то вообразили себя пианистами, большинство авторов атакуют полевые испытания не в лоб, а с флангов, нападая, главным образом, на английскую систему испытаний.

На крайнем фланге чересполосицы мнений по вопросу о значении и характере полевых испытаний стоят Ивашенцев и Бутон. В их лице мы имеем наиболее ярких и талантливых защитников фильд-трайльсов. Однако блеск изложения не затемняет их мысли о том, что время для реформы созрело и что в этой области не так все обстоит благополучно, как это кажется на первый взгляд.

По образным словам Бутона, цель испытаний должна сводиться к получению собаки "с чутьем за версту, ходом, как молния и умом философа". Однако, тень случая, стоящая, как статуя командора за спинами судей, не дает возможности не только осуществить эту мечту, но даже приблизиться к ней.

"Нужно придумать способы, говорит Бутон, если не уничтожения случайных результатов экспертизы, то сведения этого почти сплошного явления до наименьшей степени".

Для меня особенно дороги эти слова, ибо они целиком подтверждают основную мысль моей работы, что не судьи, а "случай" является действительным хозяином поля.

"Необходимо, продолжает Бутон, поставить процесс полевых испытаний так, чтобы судьи имели возможность ближе познакомиться с каждой достойной собакой, а не явно бездарной, и не выносить своего приговора часто лишь по одной, иногда даже перемещенной птице. Как прийти к этому практически - это дело организации полевых испытаний..."

Не правда ли суровый, но действительно справедливый приговор? Ценность его увеличивается именно тем обстоятельством, что он исходит не только от опытного кинолога, но и верного рыцаря фильд-трайльсов.

Бутон - полный антипод тех противников испытаний, которые в своем рвении выбрасывают из ванны вместе с водой и ребенка.

Отрицательно относится к общепризнанной системе испытаний и М. Д. Менделеева. Исходя из той точки зрения, что наши испытания поощряют только узкий, специальный тип собаки, она первая пропагандирует организацию испытаний в условиях практической охоты, аргументируя свое положение следующими парадоксальными мыслями:

"В погоне за благородным и красивым, кинология дошла до создания такого типа собаки, который стал невозможным для истинного охотника, если он не склонен отчасти обратиться в кинолога: громадный поиск и страсть современной легавой идут в разрез со смыслом охоты. Собаку трудно вести, она плохо применяется к условиям, одним словом, она становится охотнику (думающему бить дичь, а не любоваться собакой) - не помощью, а обузой..."

Констатируя идейный антагонизм, существующий между кинологами и охотниками, Менделеева в следующих словах продолжает свою аргументацию.

"Следовало бы вспомнить, что кинология должна служить и охоте. Путь - один: интересы охотника и кинолога должны слиться: значит надо дать охотникам собаку, наиболее пригодную для целей охоты:

послушную, с хорошим поиском, который она могла бы менять по мере надобности, чуткую и обладающую разносторонним охотничьим умом, не узко специальным. Мы сами виноваты в том, что охотники любят ублюдков: в них они находят, может быть, больше важных для охоты качеств, чем в предлагаемых им нами кровных животных".

Со свойственным М. Д. Менделеевой радикализмом она острым мечом своей диалектики быстро разрушает Гордиев узел старых споров о характере испытаний. На смену фильд-трайльсам - этим "скачкам легавых", которые могут доставлять наслаждение лишь изысканным гурманам кинологии, должны прийти испытания в условиях практической охоты. Цель их - выработать желаемый тип, пригодный для охоты.

Вот этот призыв М. Д. Менделеевой явился как бы возможным компромиссом между защитниками фильд-трайльсов и их отрицателями. На страницах старых журналов можно найти желчные строки, отвергающие испытания целиком, как бессодержательную забаву снотов, выдумавших особый вид спорта, ничего общего с охотой не имеющего.

Вот, что говорила М. Д. Менделеева в 1913 - 1916 годах. Послушаем, что говорит теперь этот вдумчивый и серьезный кинолог: "Какова достоверность и надежность цифр при наших слишком, поневоле, из-за отсутствия дичи, слабых проверках собак по одной-двум птицам? Решительно всякий, причастный к полевому делу, сейчас говорит, что полевые испытания - это игра, лотерея...

Слишком много тому примеров каждый год: лауреат диплома второй степени на другой год оказывается бесцутым, с оценкой чуть в 12 баллов. Скажут, что это случайность, но какова же тогда ценность этих слишком случайных цифр?! Не проще ли прямо говорить, что такого то числа "Джек" просто работал лучше всех остальных собак, потому и поставлен на 1-е место, а в другой раз работал хуже и поставлен под конец? Для меня все больше и больше становится ясным, что, в особенности при нашем бездичьи, абсолютная оценка все более и более неуместна. Заводское значение балловой оценки я не признаю; заводчик, опирающийся только на эти данные, не пробуя сам производителей - плохой заводчик и роли играть не может"...

Итак, многолетний опыт судьи, под расценкой которого побывал не один десяток первоклассных полевиков, привел к такому, для многих неожиданному, выводу. Слова, взятые мною в кавычки, по своей силе и красочности не требуют комментариев.

Одновременно с М. Д. Менделеевой пришел к выводу о необходимости реформировать балловую таблицу и Б. М. Новиков; проект его таблицы мною помещен ниже. Освободившись от "боязни отступить от старых традиций и от указаний учителей" он идет далее и совместно с А. А. Чумаковым в настоящее время является сторонником испытательной станции, справедливо утверждая, что "она имеет несравненно большую возможность точно определить полевые качества собаки". (Охотн. Газета № 4, 1929 г.).

Однако, вернемся к прерванной нами экскурсии в область истории. Море иронии, разлитое по пожелтевшим и запыленным страницам по адресу фильд-трайльсов, не вызывает во мне ни гнева, ни удивления, несмотря на всю наивность доводов. Брюзжание стариков, видевших прелесть охоты в гармоническом сочетании ружья и собаки, в своей основе имело не осознанную полностью идею о том, что в области полевых испытаний, как некогда в царстве Датском, что-то гниет, и что реформация в этом деле, построенная на прочном фундаменте науки, а не одного кинологического предания, должна неизбежно прийти.

Они - эти милые старики "старого, стильного письма", так сказать, кинологические старообрядцы, не понимали кинологии, органически не связанной с охотой, и фильд-трайльсов, как самостоятельного спорта... без ружья. Для них вся кинология должна быть служанкой охоты. Все же, порой справедливые нападки стариков били мимо цели. Да и стреляли они по малым мишеням, а не по принципам и методам исследования, ревниво охранявшимся сонмом первосвященников кинологии, не допускавших в своем ортодоксальном ослеплении и мысли о

возможности применения другой, научной системы испытаний подружейных собак, освобождавшей их, по мере возможности, от всяких случайностей поля.

Но, об этом будет речь ниже.

Роль контрабаса в оркестре оппозиционеров к фильд-трайльсам принял на себя К. Денисов. Он верный паж М. Д. Менделеевой и несет шлейф ее диалектики в таком виде:

"Требования, предъявляемые к собаке, приготовленной к полевым испытаниям и приготовленной к охоте вообще, много разнятся, а некоторые совершенно исключают друг друга, и по сему для охотников, ограниченных в средствах, нет возможности иметь специально спортивных собак и специально для охоты. Много труда и времени, не говоря о средствах, нужно затратить, чтобы получить собаку, могущую с успехом выйти на современные полевые состязания, и притом такую, которая могла бы применяться к требованиям и условиям охоты вообще, собаку, которая была бы помощью, а не обузой для охотника"...

Вот эта иеремияда на высоких нотах, как и все остальное, направляет свое острие не по адресу. Дело не в характере испытаний, а исключительно в методе исследования полевых качеств собаки. Фильд-трайльсы, в чистом виде или под русским соусом, парные испытания, в одиночку, абсолютные или сравнительные, с балловой расценкой или без нея, лишены научно-объективных приемов исследования. Вот этого не понимает и другой последователь М. Д. Менделеевой, ее соратник, "орел из стаи славных" - Лесняк. Его статья помещена в "Нашей Охоте" (1912 г.). Литературная истерика на многих страницах заканчивается такой анафемой: "Фильд-трайльсы в современных условиях ведут к упадку собаководства, а не к развитию и совершенствованию его".

Этому торжественному финалу аккомпанирует мрачное предсказание, помещенное Несколько впереди: ... "Пройдет еще десять, двадцать лет при таком направлении трайльсовых испытаний, и полевые победители станут годны только на скаковой ипподром".

К счастью для русского собаководства предсказание не осуществилось, и Лесняк оказался таким же плохим пророком, как и теоретиком.

Дружный натиск шеренги журнальных охотников, под талантливим командованием М. Д. Менделеевой, не принес победы именно потому, что основная задача фильд-трайльсов, сформулированная А. В. Столяровым, как "выяснение степени природных полевых качеств собаки", не может быть решена на основе старой схоластической формулы, этого уравнения со многими неизвестными.

Апатия и упадок веры в полевые испытания трайльсового типа в десятых годах нашего столетия достигли такой силы, что наиболее ревностные поклонники их стали превращаться в еретиков.

Так, Б. М. Лазарев в следующем виде кается перед читателями:

"Я страстный поклонник идеи полевых испытаний. К сожалению, пока их вернее называть полевыми состязаниями. Чуть, что не все зависит от муштровки, дрессуры. Часто глядишь и думаешь: да при чем тут охота... И не знаешь. А пойдешь с победителем на болото, в лес, бог ты мой, сколько крови перепортишь. Ведь это же правилом стало, что с собаками, предназначенными для участия в полевых испытаниях, охотиться нельзя. Говорю о молодых, разумеется. Вы же наверно помните, что на последних испытаниях в Косине некоторые первопольщики прошли плохо только потому, что их владельцы "слишком много с ними охотились". Дальше идти некуда, господа".

Помимо этих трубадуров М. Д. Менделеевой, подвергли критике фильд-трайльсы и первые скрипки старого кинологического оркестра, правда, без излишней аффектации, с солидностью и достоинством, присущими всем премьерам.

С некоторой долей скептицизма относился к полевым испытаниям и А. В. Столяров, возражая против увлечения "муштрой" собак, затушевывавшей природные дарования собаки, выявить которые и дать правильную расценку и составляет основную и важнейшую задачу экспертизы.

Приобретенные по вине егерей пороки не передаются потомству, а потому есть все генетические основания отнестись снисходительно к ошибкам собаки по дрессировке, а не провалить и, тем самым, умалить ее производительскую ценность.

Несколько в ином духе высказывается маститый К. В. Мошнин:

"Отдавая все должное значение полевым испытаниям, как в Западной Европе, так и у нас, я глубоко уверен, что состязания, быстро развивая те способности животных, которые прежде всего бросаются в глаза в работе собаки, никогда не будут полным показателем всех достоинств собаки для нашей отечественной охоты. Есть даже важные охотничьи качества, которые постепенно должны заглушаться требованиями состязательной системы".

Этими знаменательными словами Мошнина я заканчиваю свои цитаты, приведенные мною не по мотивам хорошего литературного тона и не в силу своеобразной инерции обычая, а с целью показать некоторое единодушие старых собаководов в отрицательной оценке существующей системы испытаний. Расходясь в деталях, они все же держали единое направление, считая, что в царстве Датском что-то гниет и требует реформы.

Мнение Мошнина для меня особенно ценно в той части, где он констатирует состязательный характер испытаний, добавляя, что они никогда не будут полным показателем всех достоинств собаки. Оказывается, к моей гордости, что в этом вопросе я не одинок. Однако, несмотря на всю искренность и убедительность такого рода упреков по адресу освященного веками типа испытаний, все же эти филиппики не более чем булавоочные уколы по сравнению с теми громовыми ударами, которые нанес испытаниям Р. Ф. Гернгросс.

Как это ни сенсационно, но это так, к крайнему моему удивлению. Все мы привыкли считать Гернгросса апостолом фильд-трайльсов, самым ортодоксальным и ревностным последователем московских правил. И вот совершенно неожиданно этот кинологический Зевс-Олимпиец в своей статье, посвященной памяти "Микадо", совершает над своими убеждениями японское "харакири" с таким талантом и искусством, которым позавидовал бы самый лютый враг фильд-трайльсов.

Каждая строка этой примечательной статьи - удар парового молота, каждое слово - ком земли на могилу испытаний. И вот, безнадежно запутавшийся в сетях своей собственной диалектики, Гернгросс зачем-то теперь воскрешает им же похороненного Елиазара.

Продемонстрируем доказательства, ибо в этом отношении Гернгросс весьма строг ко всем, кроме самого себя, и, заставляя других принимать на веру свои утверждения, требует от остальных документального подтверждения каждой запятой.

Передо мною "Ежегодник О. Л. П. С." за 1915 г. На странице 101 заупокойная месса испытаниям, под заглавием "Микадо" Б. Д. Вострякова. Автор - Р. Ф. Гернгросс. Цитирую вступление ... "За последние два десятилетия полевых испытаний... мне приходилось видеть, а часто и судить, много выдающихся собак. Некоторые из них получили звание чемпиона в Петроградских О-вах, но наиболее сильное и цельное впечатление оставила во мне собака, не признанная ни разу чемпионом, хотя и выступавшая на чемпионатах во всех трех О-вах, - "Микадо" Б. Д. Вострякова... Когда Мошнин, со свойственным ему чутьем и талантом, выявил понятие "стиля работы" легавой собаки и указал ему надлежащее место в оценке этой работы, "Микадо" еще не появлялся на испытаниях, но я не помню другой собаки, которая могла бы лучше и ярче иллюстрировать это понятие охотнику, не знающему в чем оно состоит...

... У "Микадо" был громадный ход, широчайший поиск, были и другие собаки с таким же ходом и поиском, но никто из них, так как "Микадо", не показывал, в чем в этих качествах может выражаться высокий стиль...

... Также великолепно и стильно были у него потяжка, подводка и стойка... И сила чутья его была не в особой восприимчивости его обоняния ко всякому запаху, а в умении дать себе отчет в том, что доходило до его обоняния, в полной гармонии обоняния и осязания".

Да простит меня Р. Ф. Гернгросс, что я, так сказать, за его счет получаю построчный гонорар, но, право, я не виноват в том, что его статья - богатый арсенал, где хранится самое сильное оружие против него самого и полевых испытаний.

И вот, несмотря на свидетельство такой первой величины звезды, как Гернгросс, впавшей даже в литературный пафос, "Микадо" провалился на испытаниях первопольных Московского О-ва и, кроме испытаний в Киеве в 1906 году, нигде не был расценен по заслугам. Жизнь свою он закончил в зубах "Томсика", не с титулом чемпиона, а в простом звании хорошего полевого пса.

Причину этой собачьей трагедии следует искать в системе испытаний - и только в ней.

В начале своей работы я говорил, что истинным хозяином поля является "Случай". Судья - не более чем Фауст, кинологической шпагой которого руководит Мефистофель-Случай. К несчастью для собаководства - это так.

Вернемся к примечательной статье Гернгросса. По его мнению, причины, провалившие "Микадо" на испытаниях, сводятся к следующему:

а) к случайной сидке бекаса в воде,

б) к сильному запаху ржавчины болота,

в) к неумелости егеря,

г) к наличию свободного времени у судей. Еще одна последняя цитата, относящаяся прямо к указанным выше причинам.

"...Три птицы были сработаны так, что если бы испытание на них и было закончено, то "Микадо" весьма вероятно получил бы полный балл во всех рубриках, даже по чутью, но наличность свободного времени и сначала случайная сидка бекаса в глубокой воде, в том месте, где "Микадо", идя по ветру, в конце своего челнока повернулся против ветра, а затем случайный приход на то место болота, где ни одна собака, по особому запаху ржавчины, не могла взять ни одной птицы и т.д. ..."

Собственно этот обвинительный акт полевым испытаниям, в котором с поразительной экономией слов дано максимум эффекта, не требует никаких комментариев. В самом деле, как красноречива дважды подчеркнутая случайность, которая, с моей точки зрения, всегда является решающим фактором на наших квази-испытаниях. Где же объективная экспертиза, необходимая для генетических задач собаководства, если экспортируемый проваливается из-за нелепости программы... Что же это за судьи, если они бракут собаку за случайности, в которых она совершенно не повинна... На всем этом лежш печать какого-то чудовищного абсурда... Этот клубок противоречий не распутать самому софисту Протогору. Но самая изумительная это нос ледня причина провала, так сказать перл кинологической схоластики -наличность свободного времени у судей. Казалось бы, самой элементарной мыслью является необходимость продлить время испытани! для каждой собаки до пределов возможного, дабы, по логике вещей 14 наиболее полно изучить ее природные свойства. Только выходя за пределы средних 30 минут, уделяемых на испытаниях каждой собаке, мы можем уменьшить влияние случая на расценку. По Гернгроссу, наоборот, испытывайте поменьше собаку, чтобы она как-нибудь не провалилась... Право, трудно понять такую метафизику. В самом деле, собаку привели на такое болото, где нельзя было учуять птицы из-за ржавчины, и никто другой, а эта же собака оказалась виноватой.

Далее, на испытаниях в 1908 году, неудача "Микадо" объясняется разлаженностью между егерем и собакой. Опять при чем тут "Микадо". Ставьте егерю за плохое ведение собаки двойку, единицу, но не переносите этот балл на полевые качества. В конце концов, чьи способности вы испытываете - егеря или собаки? Задача испытаний -отбор производителей, а не егерей, от которых мы не ждем никакого потомства.

Также неудачен оказался дебют "Микадо" и на испытаниях О. Л. П. С., где он по недоразумению, как сказано в отчете, был дважды отозван от стойки; вторично посланный, он не довел до птицы, которая оказалась у него позади, чем произвел на судей впечатление собаки, с неособенно выдающимся чутьем.

Итак, опять недоразумение, которое чудесно переплетается со случаями, приведенными выше, в один безобразный рисунок.

"Мне кажется, пишет по этому поводу Гернгросс, что в этом недоразумении не "Микадо" не прошел в чемпионы..."

Расшифруем многоточие, поставленное автором по природной скромности, и скажем, что действительно это судьи не прошли не только в чемпионы, но даже на диплом третьей степени... Впрочем, не следует взваливать на их плечи всю сумму ответственности. Отвечать перед историей должны солидарно и судьи и законодатели правил.

Спустя пятнадцать лет, Р. Ф. Гернгросс пишет новую примечательную статью, посвященную другой знаменитости, "Камбизу" Б. В. Ясюнинского. ("О причинах частых разногласий в оценке чутья на полевых испытаниях", "Собаководство и Дрессировка" № 3 и 4 за 1926 г.).

В этой статье, как и в цитированной мною выше, те же удары похоронного колокола, подвешенного к самому куполу неба. По мнению маститого автора, 24 балла за чутье, полученные "Камбизом" на испытаниях Мосгубсоюза - печальное недоразумение (!)... в котором повинны судьи, "не сумевшие разобраться в том, что они видели, и сделать правильные выводы".

Итак, по мнению Р. Ф. Гернгросса, судьи в поле не заметили того, что увидел автор, не бывший в поле. Окна его кабинета оказались вышкой, с которой ему удалось лучше рассмотреть все детали работы "Камбиза"... Несмотря на трудности такого предприятия, проявив изумительную художественную интуицию и призвав к себе на помощь арифметику, Р. Ф. Гернгросс пытается убедить читателей, что "Камбиз" не смог сработать бекаса на 75 шагов, как это почудилось судьям.

Само собой понятно, что самые совершенные правила, как и законы, не могут дать полезных результатов, если применять их будут невежественные судьи: в этом, конечно, прав Р. Ф. Гернгросс, но я все же думаю, что его утверждение о заблуждении судей, столь же смело, сколь и неосновательно. Редакционные недостатки отчета и некоторая неполнота его, - а на них построена вся аргументация автора - дали последнему возможность лучше разобраться в том, чего он не видел, и сделать более правильные выводы, чем те, к которым пришли судьи, видевшие все детали и нюансы работы "Камбиза", шествуя за ним не в художественном воображении, а так сказать в натуре.

Вот почему вся эта статья - есть не более, чем безнадежная попытка реабилитировать правила за счет авторитета судей. Но ведь не в этом соль... Мое утверждение о том, что балловая расценка собак почти всегда есть равнодействующая ряда случайностей и что цифровое выражение полезных качеств не дает верной характеристики, независимо от объективных или субъективных причин, блестяще подтверждается Р. Ф. Гернгроссом, который второй раз так успешно льет воду на мою мельницу.

Действительно, какая цена этим баллам, если, по вине ли судей, невежественных или невнимательных, по несовершенству ли самих правил, становятся возможными такие чудеса, как 24 балла за чутье, поставленные "Камбизу" - этому неразгаданному сфинксу. Но... для Р. Ф. Гернгросса, как для царицы Савской, нет таких загадок, которых он не мог бы разрешить.

Все эти чудеса с баллами, конечно, нельзя отнести только за счет качества самих судей, как это делает мудрый Эдип кинологии.

Я не одинок в своей ереси. Отпавшие со мною от английского фильд-трайльсового исповедания считают необходимым, поелико возможно, избавить испытания от действия случая или, по крайней мере, свести это вредное влияние до минимума.

Я считаю совершенно бесспорной мыслью, если мои оппоненты не будут превращать дискуссию в спорт, что существующая система полевых испытаний генетически не оправдывает себя, что победители испытаний еще не лучшие собаки среди других, проигравших поле, и что, наконец, абсолютная расценка их, выраженная цифрами, - не есть правильная характеристика их полевых качеств. Отбор производителей может и должен производиться на основе методического эксперимента и к тому нет тех технических препятствий, о которых будут говорить мои противники, бессильные побороть основную идею.

Дабы не возникло в дальнейшем никаких недоразумений между мною и моими оппонентами, я заранее оговариваюсь, что в мою программу, даже максимум, не входит гильотинирование

испытаний. Более того, я признаю за ними большое спортивное значение... Все эти аксессуары: торжество победителей, горе побежденных, полировка нервов, вплоть до траура в семье собаководов – Аркашки Несчастливцева и пр. - являются как бы суммарным допингом для национального собаководства.

При большом количестве испытаний, когда одна и та же собака может десятки раз подвергаться экспертизе, как это, например, имеет место в Англии, пожалуй, средний итоговый результат даже может быть приблизительным показателем действительных достоинств собаки. Но все же и в этом случае общая расценка будет в некотором роде суррогатом, вроде маргарина, которым мы пользуемся, когда нет масла.

Экспериментальный же метод, за который я ратую, должен дать возможно точный ответ о всех полевых качествах собаки для целей отбора лучших. В этом принципе сила современной генетики.

Однако, великодушно даруя жизнь испытаниям, я требую, чтобы они называли себя своей собственной фамилией, т.е. состязаниями, и чтобы правила этих состязаний были очищены от тех нелепостей, которые достались нам по наследству.

В действительности то, что мы называем испытаниями, есть спорт, борьба собак на призы по условным правилам. Это верно не только филологически, но и по существу, ибо состязания имеют своей целью выявить лучшего при данных условиях, тогда как экспертиза или испытания преследуют более широкую цель, выявить действительно лучшего методом, при котором действие случайных причин должно быть исключено, или, при невозможности, сведено до минимума.

Этого можно достичь, испытывая собак на основе научно-исследовательского метода.

ГЛАВА III.

Переходя теперь непосредственно к штурму кинологического "Вердена" - Московских правил испытаний, необходимо, прежде всего, отметить их почти исключительное формальное содержание. Вся редакция их направлена на установление, так сказать, процессуальных норм испытаний. Даже с излишней подробностью регламентируется порядок записи, назначения судей, раздачи наград и пр., оставляя в стороне материальное содержание этого института. Такой приоритет формы над материей является большим пороком правил. Тщетно мы бы искали в них таких определений, самых основных, как, например, чутья, стойки, потяжки, подводки и т.д. В этом отношении правила дают широчайший простор судьям и как раз в той области, где нет установившегося единообразия. В конце концов, важно не как судить, а что судить.

Эта моя мысль нашла свое воплощение в проекте Правил полевых испытаний, разработанных Гернгроссом и принятых Кинологическим съездом. В этом отношении проект - шаг вперед. В остальном, по сравнению с прошлым, - бег на месте. Однако, формулировки основных понятий полевых признаков, подвергающихся экспертизе, оставляют желать много лучшего, т.к. страдают излишним плеоназмом и недостаточной четкостью.

Без наличия в правилах точного определения полевых признаков и при известной пестроте мнений у кинологов, результаты расценок собак не могут быть сравнимы, если экспертиза их производилась разными судьями. Мне могут возразить, что эти основные понятия - общеизвестны и что посему нет нужды загружать излишним балластом правила, но этот довод едва ли будет правильным. Если без труда можно добавить лишних сто строк материального содержания, то от этого правила только выиграют, ибо в этом случае и судьи будут знать, что же именно им надо расценивать, и владельцы собак будут знать, что расценивалось у их друзей. Если же наоборот, выработка таких основных понятий - задача весьма трудная, то тем более оснований ее выполнить.

Выработка этих понятий и тщательная редакционная отшлифовка должны быть выполнены таким авторитетным органом, как Кинологический съезд.

Также важно раскрыть материальное содержание и других понятий, например, "быстроты и манеры поиска", "стиля и красоты", никого, не отсылая разыскивать в литературных архивах мнения старых кинологов.

В какой мере необходима эта работа, можно будет усмотреть из моего изложения, посвященного критике отдельных граф расценокной таблицы. Пока же я ограничусь общими замечаниями, сводящимися к тому, что "быстрота" и "манера" поиска - отнюдь не синонимы и что "манера" с филологической точки зрения допускает разное представление о внутреннем смысле этого слова.

Далее, "стиль" и "красота" также нуждаются в подробном раскрытии содержания, в смысле перечисления тех объективных признаков, кои неизбежно присущи "красоте" или "стилю" работы собаки. Помимо этого, необходимо провести и пограничную черту между двумя этими понятиями, указав объем содержания одного и другого.

Вторым недостатком современных правил является смешение в одной расценокной таблице признаков: природных, приобретенных и эстетических. В виду общего итогового балла эти признаки собаки образуют нечто вроде коктейля. Это логически неправильно и вредно с генетической точки зрения. Между двумя группами признаков следует провести водораздел. Признакам природным из общих ста баллов таблицы отводится 65, приобретенным - 20 и эстетическим - 15. Пропорция эта искусственна и условна, и смысл именно такого соотношения величин понять нельзя. Что полевые признаки наиболее важные достоинства собаки - это ясно всем, но почему им отведено в этой цифровой системе только 65 баллов - объяснить, на основе логики вещей, невозможно. Наконец, с точки зрения смешения признаков, необходимо провести и дополнительное деление в графе "быстрота и манера поиска", если под этим понимать не эстетику хода: поднятую гордо голову, страстность движений и пр., а лишь геометрический чертеж хода, т.е. круги или челнок, правильный челнок или с заворотами внутрь фигуры и т.д., что следует отнести к признакам, приобретаемым правильной дрессировкой и натаской. С генетической точки зрения эти качества подлежат обособлению одно от другого, как не передаваемые по наследству.

Затем, все природные полевые признаки имеют свое цифровое соотношение, схватить смысл коего, без соответствующих комментариев составителей, весьма затруднительно. Почему чутью,

самому важному качеству собаки, отдано 25 баллов, т.е. четверть всей цифровой расценки или несколько более одной трети суммы баллов за все природные качества? Удельный вес чутья, относительно других качеств собаки, значительно больше отведенного ему места, ибо без чутья, вообще, нет полевой собаки. Понимая этот недостаток таблицы, составители и ввели корректив, по коему для различной степени дипломов требуется балл за чутье не ниже определенного минимума. Под этими "законными нормами", ниже которых не может спускаться собака, надо понимать чутье выше среднего, если 25 баллов есть крайний предел чутья вообще.

Непонятны также и пять баллов, отведенных таблицей для стойки. Без этого качества тоже нет полевой собаки, следовательно, удельный вес стойки не менее удельного веса чутья. Единственно возможное объяснение, если вы желаете остаться в пределах логики, заключается лишь в том, что стойка может мыслиться в ограниченном числе вариаций, вполне укладываемых в пяти-балловую шкалу, тогда как чутье, так сказать, в своем диапазоне может иметь большое количество вариаций.

Графа "потяжка и подводка" вызывает не меньше сомнений, чем все остальные. В ней опять смешение двух признаков - природных "потяжки" и приобретаемых "подводки", когда они расцениваются совместным баллом 15.

При отдельной расценке двух этих качеств последовательно 4 и 11 баллами - опять встает во весь свой рост полная искусственность такой разбивки. На вопрос, почему 4 и 11, а не 5 и 10 или какое либо другое соотношение - ответа, по-видимому, получить нельзя.

Вообще вся эта балловая таблица представляет собой действительно тот камень, который десять умных до сих пор не могут вытащить. Это - перл схоластической премудрости, это нечто находящееся не только по ту сторону знания, но и логики.

Балловая расценка - неудачное растение, культивируемое только на русской почве неограниченных возможностей... Детище кабинетных охотников, полагавших, подобно Пифагору, что число есть мера всех вещей, носит в себе все признаки схоластического рахита.

Классическая страна фильд-трайльсов - Англия - не знает фармацевтического способа расценки собак, и такое отсутствие ее не помешало Англии иметь полевиков, о которых мы, русские охотники, можем только мечтать.

Английские судьи не имели в руках таинственного разновеса в сто гран, не мерили чутье собаки линейкой с 25 делениями и это нисколько не помешало прогрессу в этой области. Наши же судьи упрямо держатся за фалды старомодного фрака и никак не желают понять, что при современном состоянии знания - фрак этот надо положить в сундук истории и пересыпать нафталином.

Существующая система полевых испытаний не дает правильной характеристики достоинств собаки еще и потому, что над ними тяготеет проклятие случая.

Почтенный судья, высший разум практической кинологии, вооруженный атрибутами своего знания - судейской книжкой и карандашом, не более чем томный Фауст, за спиной которого стоит Мефистофель - случай.

На поле, во время кинологического поединка, это он, случай, руководит судейским карандашом, как шпагой.

В подтверждение этой еретической мысли возьму несколько примеров не из архива истории, ибо вуаль времени может скрыть весьма существенные детали, а из современной практики, прошедшие, так сказать, перед нашими глазами.

Действие происходит в трех точках загадочного треугольника: на испытаниях в Нижнем Новгороде, на испытаниях "Московского Охотника" и "Всеохотсоюза". Персонажи: "Камбиз" и "Рокет".

Первый - блестяще проходит в Нижнем Новгороде и проваливается в Москве. В 1925 году эта случайность, с постоянством физического закона, повторяется. На испытаниях "Московского Охотника" - блестящая победа, редкий триумф. Судьи изумлены силой чутья "Камбиза" и ставят 24 балла за это качество.

Со скромностью, свойственной всем застенчивым гостям, они оставляют на своей тарелке маленький кусочек и... не добавляют единицы до того идеала, который может существовать только в мечтах.

Приблизительно через неделю "Камбиз" дебютирует на испытаниях "Всеохотсоюза" и скажем словами поэта: "лежит в пыли"...

Новые судьи усомнились как раз в том качестве, которое другими судьями было расценено в 24 балла.

Чем объяснить это противоречие, шаржирующее полевые испытания... Что же это за экспертиза, если та собака, которая вчера получила докторский диплом, сегодня проваливается на аттестат зрелости...

Допустим на минуту, что "Камбиз" - этот собачий Шаляпин был не в голосе... Ну, что же, мы готовы быть к нему снисходительны, как и к внезапно охрипшему артисту. Но при чем тут экспертиза, исследование, испытание, как нечто объективное, исключающее, по возможности, действие причин приводящих. Можно ли допустить существование такого исследовательского метода, при котором мудрецу на другой день приклеивается ярлык невежды.

Успехи и поражения этой собаки - нечто вроде температурной кривой больного малярией: от 35 градусов до 40 и обратно.

Искренне признаем, что финальные результаты испытаний - просто "шалости" случая.

С того момента, как мы заменим слово "испытания" словом "состязания" - все станет ясным, понятным и объяснимым.

Первый элемент случайных расценок - кратковременность полевых испытаний. При самом добросовестном отношении к делу и при огромном опыте, нельзя, даже относительно, проверить в один день качества, скажем, двух десятков собак и расположить их в убывающем порядке по степени одаренности каждой.

Надо считать, что среднее время, уделяемое собаке на полевых испытаниях, равно получасам и среднее количество птиц: две, три. Для всякого, кто охотится в поле, а не за письменным столом, ясно, как трудно по кратким впечатлениям, а не наблюдениям, выяснить действительные полевые достоинства собаки. Особенно трудна эта задача для первополевых, у которых нет еще опыта и навыка, весьма часто дающих победу собаке меньших природных дарований, чем ее счастливый конкурент.

Эти полчаса при недостатке дичи, ставшем обычным правилом всех испытаний, могут позволить в лучшем случае дать эскизный набросок своего впечатления от работы той или другой собаки, но отнюдь не сделать анализа ее качеств, взвешенных на химических весах балловой расценки.

Эти мысли настолько примитивны, что благоухают просто хрестоматией. Но что делать!.. Надо ломиться в открытую дверь, ибо туман ложно понятого самолюбия мешает нашим жрецам видеть простые вещи.

Второй элемент случайных расценок - неравенство тех условий, в которых происходит работа собаки.

Различие условий может относиться и к характеру местности, более легкого для хода и причувствования, и ко времени дня, различного в смысле температуры и влажности воздуха. О влиянии, вообще, среды на чутье, мною уже было изложено выше; теперь же ограничусь лишь констатированием этого бесспорного факта.

Неравенство условий тоже азбучная истина, однако, для устранения ее ничего не предпринималось.

Вопрос этот имеет свою историю и не раз дебатировался на страницах старых охотничьих журналов.

М. Д. Менделеева так формулирует задачу организации полевых испытаний: "...Ее цель - сделать все возможное, чтобы в наиболее для всех равных условиях, позволить испытать данное количество собак, предоставив для этого возможно больше времени..."

К сожалению, и до настоящего времени эти прекрасные слова остались теми благочестивыми пожеланиям, которыми вымощена тернистая дорога фильд-трайльсов.

..."По поводу указанных случаев, продолжает М. Д. Менделеева, у петербуржцев существует классический ответ: "раз в России собака встречает на охоте разнообразные условия: кусты, хлеба и т.п., то мы и на испытаниях имеем право требовать, чтобы она везде и при любом ветре работала. Возражение это не выдерживает критики, так как испытания не охота: здесь идет сравнение собак, они состязаются, и самое важное тут - правильно оценить, правильно сравнить собак, а это возможно лишь в одинаковых условиях. Как, например, сравнить собак в кустах, когда их там даже не видно".

В качестве некоторого суррогата справедливости нашими правилами установлена жеребьевка. В этом отношении случай легализируется вполне, ибо жеребьевка это своеобразная лотерея, в которой выигрышами являются преимущества очереди.

Французы, пожалуй, более правильно расширили этот вопрос, заменив жеребьевку распределением собак по возрасту, при чем испытания открывает самая младшая собака. В основании этого правила лежит мысль о необходимости молодым собакам дать некоторые преимущества, для уравнивания шансов, перед собаками взрослыми, а следовательно, и более опытными.

Итак, отмеченный мною, второй органический порок правил возможно исправить, имея в виду генетическую, а не спортивную цель, разделением признаков на три основных группы: природных качеств, приобретенных и эстетических.

Первая группа - полевых, наследственных достоинств - должна расцениваться тремя, пятью или, наконец, семью баллами по схеме Доманже, тогда как расценки других групп должны сводиться только к описательной характеристике. Фундаментом этой идеи - является мысль о чисто субъективном восприятии всех эстетических элементов работы собаки, допускающем порой значительные расхождения. Это, во-первых. Во-вторых, я, вообще отрицаю возможность выразить числом субъективное впечатление от прекрасного. Эстетика, слава богу, кажется - единственная область, куда еще не влез математик со своей таблицей логарифмов. Печальную инициативу взяла на себя кинология. Математикам надо предложить за дверью храма красоты производить свои вычисления.

Балловая расценка красоты - самая неудачная выдумка тех кинологов, которые, по-видимому, сами себя считают мерою всех вещей.

Также из под балловой расценки должна быть освобождена и дрессировка. Хотя мягкость и податливость собаки, как и стиль работы может передаваться и по наследству, однако, за отсутствием критерия, в какой мере недочеты дрессировки должны быть отнесены к вине владельца или егеря, а не к природным порокам, следует и в этой области применить описательную систему расценки.

Точное исполнение собакой всех распоряжений егеря еще нельзя рассматривать, как проекцию ее ума или характера, ибо то есть результат умения, настойчивости и терпения дрессировщика. Среди наших кровных собак едва ли можно найти совершенно безнадежных в смысле податливости к дрессировке. И обратно, такие пороки, как отсутствие аппеля или гоньба дичи - нельзя всецело относить к причинам, заложенным в наследственных генах.

Как общее правило - это пороки егеря, натасчика, но не собаки.

При описательной системе две - три коротких, но выразительных характеристики скажут больше, чем мертвая цифра. Правда, современные отчеты отчасти выполняют эту задачу, но не как подробную описательную расценку, а в виде общих, порой совершенно недостаточных впечатлений. Такая характеристика должна охватывать все основные элементы, как дрессуры, так и стиля.

В заключение я хочу подчеркнуть, что реформа балловой таблицы, в виду ее явной неудовлетворительности, предпринималась отдельными кинологами неоднократно. Наиболее интересный проект, в котором баллы и графы, будто игральные карты раскладываются в новый пасьянс, принадлежит М. Д. Менделеевой и имеет следующий вид:

Чутье	Поиск	Перед дичью			Охотничий ум.	Вежливость	Выносливость	Стиль и красота	Общий балл
		До стойки	Стойка	Подводка					
25	15	5	5	10	10	10	10	10	100

Лесная

таблица М. Д. Менделеевой 1914 г.

Чутье	Поиск		Перед дичью			Красота работы (стиль)	Мастерство в лесу	Дрессировка	Общий балл
	Целесообр. быстрота	Манера	До стойки	Стойка	Подводка				
25	10	10	5	5	10	10	10	15	100

Лесная

таблица М. Д. Менделеевой 1928 г.

Таблицы эти, как и расценочная таблица М. О. О., имеют те же органические недостатки, при чем новая разбивка баллов носит тот же условный, произвольный характер и не имеет никакого рационального

фундамента.

Две новые графы: "охотничий ум" и "вежливость" заменяют собой "дрессировку" старой таблицы и представляют собою новеллу, пригодную для экспериментального метода, а не для состязаний, каковыми по существу и являются современные полевые испытания.

Для сравнения привожу таблицы М. О. О., Б. М. Новикова 1927 г., а также таблицу, принятую кинологическим съездом.

Лесная таблица Моск. Губ. Союза охотников 1924 г.

Чутье	Целесообразная быстрота и манера поиска	Стиль и красота	Стойка	Потяжка и подводка	Вежливость и охотничий ум.	Послушание и дрессировка	Общий балл
25	20	15	5	15	10	10	100

Чутье	Быстрота и манера поиска	Стиль и красота	Стойка	Потяжка и подводка	Дрессировка	Общий балл
25	20	15	5	4/11	20	100

болотная таблица

Московская

Чутье	Быстрота хода	Манера поиска	Стойка	Потяжка	Подводка	Красота работы (стиль)	Дрессировка				Общий балл
							У ноги и даун	Позывистость	Обыск места по приказанию	Повед. после взлета и выстрела	
25	10	10	5	4	11	15	2	6	6	6	100

таблица Б. М. Новикова 1927 г.

Болотная

Чутье	Быстрота и манера поиска	Стойка	Потяжка и подводка	Стиль и красота работы	Послушание (ум и характер)	Общий балл
25	20	5	15	15	20	100

принятая Кинологическим съездом

Таблица,

Все таблицы представляют собой один и тот же мотив, но различных аранжировок. Внешний ремонт схоластической постройки отнюдь не делает этого здания пригодным для жилья. Ссылки на историю мало убедительны, ибо не все то, что освящено практикой седой древности, пригодно и для современных условий. Нырнув на дно прошлого, можно найти и другие удивительные вещи. Было время, когда человек сохранял равновесие не двумя подпорками, а... четырьмя.

Почтенная старушка-история хранит в своих сундуках, среди многих полезных вещей, не мало и хлама. Балловая расценка - просто клякса на чистой странице нового знания. Упирающиеся кинологи напоминают ту чеховскую даму, которая могла танцевать только... от печки. Пора переменить старомодный фрак на одежду, более приличествующую современному состоянию научной мысли. Пусть староверы "развлекаются" собачьим спортом по каким угодно правилам, но испытывать природные качества собаки следует лишь в условиях эксперимента.

Вся система наших правил - есть "коллективное пари" .. и только.

ГЛАВА IV

Нестомчивость не расценивается на полевых испытаниях. Неведомо, намеренно или случайно пропустили нестомчивость авторы балловой расценки.

Само собой разумеется, что собака с запасом сил на час работы -экземпляр, не отвечающий своей цели. Правила американских фильд-трайльсов придают особо важное значение нестомчивости, или выносливости, при чем трехчасовой ход хорошим аллюром считается нормой, ниже которой не смеет опускаться собака, под угрозой проиграть поле.

В условиях английской парковой охоты, пожалуй, это качество не требуется в том объеме, который необходим для нас, имея в виду обширность охотничьих угодий и относительный недостаток дичи.

Выносливость или нестомчивость собаки прямо вытекает из особенностей нашей национальной охоты, близкой по своему характеру к американской. В южной полосе, при необъятной шире степей, нестомчивость собаки почти единственный залог успеха охоты.

Как будто нестомчивость, как обязательная предпосылка каждой охотничьей собаки - признается всеми кинологами, но, увы... в расценочной таблице мы имеем пустое место.

Следует отметить, что нестомчивость имеет генетическое значение и передается по наследству, как некоторая функция анатомии и физиологии собаки. В этом отношении наследственный отбор не только возможен, но и необходим.

По вопросу о природе нестомчивости наши кинологи говорят, по-видимому, на разных языках. Необходимо отличать, как правильно указывает Лесняк, время работы от суммы работы. Различие между этими двумя формулами станет ясным, если мы будем сравнивать нестомчивость таких антиподов, как трейлер-пойнтер огненного поиска и танко-образный немецкий легаш, с методичным поиском заведенных часов. Время работы, может быть, останется за легашом, но сумма работы - за трейлером.

Заводчик должен стремиться к тому, чтобы и по времени работы -трейлер был первым. Достигнуть этого возможно единственным путем, установленным зоотехнией, т.е. подбором и соединением наилучших с наилучшими по нестомчивости собак.

Так чем же объяснить это пренебрежение правил к такому полезному и необходимому качеству?

Если нестомчивость можно установить лишь опытным путем, для которого потребуется времени больше того, которое отводится для испытаний, то этот довод я готов отчасти признать. Действительно, те полчаса, которыми располагают судьи для каждой собаки, естественно, недостаточны. Но ведь это возражение чисто техническое, а не по существу. Если будущее нашего собаководства настоятельно требует удлинения времени испытаний, то это надо сделать. Другой путь - это тот, за который я ратую и который считаю единственно возможным и правильным, т.е. рассматривать существующий порядок испытаний, с небольшими изменениями, как состязания, а исследование полевых качеств собаки производить особо на основе экспериментального метода, особыми опытными станциями центра и крупных городов периферии, по однообразно научно разработанной программе.

Но дело в том, что наши жрецы не допускают нестомчивость к исследованию по мотивам не только технического характера, но и принципиального. Они считают, что нестомчивость, есть какое то органическое, обязательное свойство собаки быстрого поиска. Для доказательства они приводят гиппологические аналогии, в виде отдельных случаев большой выносливости резвейших лошадей... Выносливость - не есть следствие резвости или ее обязательный спутник. Резвейшие лошади - отнюдь не всегда самые выносливые. Такой закономерности гиппология не знает. Если и существует в этом отношении некоторая связь, то, во всяком случае не как закон, а как тенденция.

Отдельные случаи наблюдений, когда имело место совпадение резвости и выносливости, не должны обобщаться до безусловного закона. Знание складывается из фактов, говорит математик

Пуанкаре, как здание из кирпичей; однако, ряд фактов - также мало знание, как и груда кирпичей - здание.

Только тогда, когда эта груда кирпичей систематизирована и опытно проверена, можно делать уже общие выводы. Поэтому, уйдем от этих отдельных фактов, как бы убедительны они не были.

Другое положение противников введения в расценку нестомчивости основано на интуитивной способности отдельных судей по характеру хода и скорости его - вывести заключение о степени нестомчивости собаки. Поскольку такая расценка нестомчивости основана на "трансцендентальных" способностях отдельных лиц - знанию тут делать нечего. Это уже... алхимия.

Выносливость, как физиологическая способность организма к длительной работе, обуславливается хорошим обменом веществ в организме и четкой мощной работой, главным образом, двух органов: легких и сердца. Подобно паровой машине, в организме, после работы мышц, появляются шлаки, негодные отбросы в виде углекислого газа, молочной кислоты и других вредных веществ, понижающих работоспособность, химический состав коих еще мало изучен наукою.

Способность организма бороться с самоотравлением под влиянием усталости - есть способность самостоятельная, не связанная постоянством закона с качеством мышц, как двигателей.

Атлетическое сложение ни в коей мере не гарантирует выносливости. Леггранж, один из признанных авторитетов физического развития, говорит: "В некоторых случаях наблюдаются удивительные физические способности у таких лиц, телосложение которых, по-видимому, скорее неблагоприятно для упражнений. Есть лошади безупречного сложения и не имеющие, однако, никаких качеств, тогда как очень плохо сложенные животные обладают иногда необыкновенной способностью к работе... Они доказывают, что качество работы обуславливается не одними лишь видимыми частями животного механизма, но в большей мере зависит также от областей, менее доступных нашим средствам изучения.

Таким образом, внешний вид собаки, прекрасное состояние рабочих статей, развитость мышц и общая анатомическая правильность сложения - не являются обязательным экраном нестомчивости или выносливости.

Как это ни странно, но Меркурий мог дать больше суммы и времени работы, чем атлетический Геркулес или пластический Аполлон.

В. Приходько, наблюдавший американские испытания, был поражен существованием, так сказать, "ножниц" между выносливостью собак и их сложением... "По наблюдениям журнала, победителями на таких испытаниях (выносливости) обычно выходят, как и нужно было ожидать, небольшие и легкие по складу собаки, как напр., знаменитый пойнтер "чемп. Манитоба-Рэп"... На национальных испытаниях на чемпионат, проходивших 18 января 1916 г. у Грэнд Дженкшион, большое впечатление произвела выносливость также маленького и мало заметного пойнтера "La Besita".

Вот именно эта санитарная способность организма убирать вредные продукты сгорания белков, жиров и углеводов, должна и может быть объектом исследования, как необходимого полевого качества. Для опытного решения проблемы требуется только время и даже не в таком большом количестве, чтобы это могло служить серьезным тормозом, как, по крайней мере, в этом стараются убедить противники.

Предел способности бороться с самоотравлением заложен в самом организме и никакими упражнениями перешагнуть его невозможно. Систематическим упражнением в беге, этой дыхательной гимнастике, как называет его Леггранж, можно довести организм до этого максимума, положенного природой. Вот почему нельзя отмахиваться от расценок нестомчивости, только потому, что она вырабатывается тренировкой. Цель исследования - выяснить у отдельных тренированных собак максимум этого качества для зоотехнического отбора лучших с лучшими. Вполне понятно, что тренированные собаки покажут больше выносливости, чем собаки, не знавшие упражнений, однако, способность организма к максимальному времени работы может впоследствии оказаться выше у нетренированных.

В целях генетики - это надо знать, не полагаясь самонадеянно на свою "интуицию".

Первый вопрос, который возникает при взгляде на эту графу, заключается в следующем: что понимать под быстротой поиска и какой критерий может быть в распоряжении судьи для абсолютной расценки этого качества.

Надо полагать, что расценивается быстрота хода, т.е. частное от деления пространства, покрытого собакой, на время. Чем выше это частное, конечно, соответствующее чутью, тем выше ценность охотничьей собаки, ибо назначение ее - в минимум времени обойти максимум пространства.

Теперь второй вопрос: какие же средства имеются в распоряжении судей для определения этого частного? Я утверждаю, что, кроме несовершенного человеческого глаза, другого средства нет. По общепризнанному методу, скорость должна выражаться в цифрах. В отношении собак, расцениваемых на испытаниях, скорость хода определяется не хронометром, а "на-глазок". При неровностях почвы и анатомических особенностях сложения собаки, скорость хода, не только абсолютно, но даже относительно других собак, не может быть определена.

Из двадцати прошедших через полевую экспертизу собак, можно безошибочно, пожалуй, указать резко отличающиеся между собой экземпляры по ходу, но выделить более быстрых из приблизительно одинаковых - невозможно. Этому препятствует широкий поиск, рассматриваемый как достоинство, ибо движения собаки в удаленной перспективе могут дать ошибочное впечатление о действительной скорости.

Далее, скорость хода собаки зависит от двух факторов: субъективного - напряжения животного и объективного - его строения, главным образом, рычагов. При большом субъективном напряжении собак, так называемых коротких линий, создается оптический обман по впечатлению от частоты машков. При этих условиях, несмотря на всю опытность судьи, легко впасть в ошибку и расценить не фактическую, а иллюзорную скорость.

Каждый судья, по-видимому, по этому вопросу имеет свою точку зрения, находящую свое цифровое воплощение, несходное с расценкой другого судьи.

Теперь об идеале скорости. Как и по вопросу о пределе чутья, каждый судья в своем представлении имеет свой образец, от которого и отмеривает скорость хода. Правила в этом отношении ничем не ограничивают судей и в этом их, конечно, серьезный недостаток. Следовательно, необходимо сделать логический вывод, что сколько судей, столько и субъективных идеалов скорости хода и столько же несравнимых между собою расценок.

Помимо того, что вообще ход собаки вызывает столько принципиальных вопросов, от судьи требуется, чтобы он свой идеал расположил по 20-ти делениям шкалы и свое впечатление втиснул в одно из этих делений.

Для проверки моей ереси я предлагаю кому угодно задать вплотную кинологу жрецу такой вопрос: какой скорости ход собаки он расценивает 5-ю баллами и какой 10-ю...?

Какой вид должен получиться, если выразить этот ход карандашом на бумаге в виде частного от деления времени на пространство?.. Другого ответа, кроме туманно-абстрактных фраз, мы не получим.

Ход собаки, в смысле объективной скорости, а не субъективного напряжения, вообще, трудно выяснить, если это действительно охотничья собака, т.е. не только "скакун", но и "работник".

Во время осмысленной работы аллюр ее хода постоянно меняется, как меняется и геометрическая фигура поиска, в зависимости от разнообразия запахов, которые надлежит ей проверить и продумать, и необходимости обойти те места, где собака, по своему опыту, основанному на вкусах и привычках дичи, может рассчитывать ее встретить.

Теперь судите, какими талантами должен обладать судья, чтобы мысленно произвести эти вычисления скорости по аршину своего идеала и удержать в памяти своей все расценки для относительного сравнения всех скоростей хода испытываемых собак.

Обращает на себя внимание и другая особенность этой графы, заключающаяся в требованиях правил расценивать одним баллом два самостоятельных и различных по своему существу качества.

"Быстрота" и "манера поиска" - совершенно различные вещи. Расценивать их совместно так же нелепо, как экзаменуемому ставить одну отметку и за знания и за... дикцию.

"Быстрота" поиска - есть охотничье понятие совершенно отличающееся от "манеры". Смешать эти два элемента в одну микстуру... это верх кинологической схоластики. Кроме того, следует иметь в виду, что для осмысленной расценки такой микстуры единым баллом надо же знать количественное их соотношение.

Как расценить ход собаки, которая с бешеной быстротой будет вальсировать "на кругах" под носом у судей, или, наоборот, ползти черепахой по совершенно правильному геометрическому челноку. В этой контроверзе, намеренно утрированной, одно качество в идеале, а другое полностью отсутствует...

Если представить себе на минуту, что законодатель правил по рассеянности забыл провести необходимый водораздел и что каждому качеству надлежит отвести 10 баллов, то и в этом случае мы приходим к абсурду.

Второе предположение может заключаться в том, что законодатель имел в виду, так сказать, органическое, идеальное сочетание двух этих качеств, при чем отсутствие одного - равносильно отсутствию другого, или низкие качества одного автоматически переносятся на общую совместную расценку.

К чему, однако, эти натяжки, когда следует просто расценивать эти два качества самостоятельно, установив для каждого предельный балл, как это имеет место в некоторых таблицах, в которых потяжка и подводка объединяются одним общим баллом, но имеют и свое выражение (4 и 11).

Такое подразделение является правильным не только методологически, но и вносит ясность в расценку, рассматриваемую под генетическим углом зрения.

В последнем смысле смешение этих двух элементов "быстроты" и "манеры" - прямо вредно, ибо первое качество наследуется, а второе достигается дрессировкой и натаской, а потому, как приобретенное, по наследству не передается.

Так утверждает современная биология, к неудовольствию кинологических первосвященников.

Манера поиска челноком есть результат только терпения и знания особых приемов, изложенных у Доманже. Для достижения прямо геометрической чистоты формы, западноевропейские дрессировщики знают даже механические приспособления, в виде параллельных изгородей, в промежутке которых и заставляют бегать собаку.

Г. П. Карцев рассказывает о поразительной работе учеников Бельгийского профессионала Асторпа, которые не только ходили по чертежу, но даже и меняли аллюр по приказанию. Впечатление создавалось такое, говорит Карцев, будто пойнтера, подобно лошадям идут на вожжах, уменьшая или увеличивая аллюр по воле натаскика - кучера.

Имея в виду, что манера поиска достигается дрессировкой - при совместной расценке и быстроты и формы его, мы впадаем в другую, не менее грубую, ошибку, смешивая в одну микстуру разных субъектов этих качеств.

Проставляя баллы за быстроту поиска, судья расценивает качество собаки, проставляя же баллы за "манеру" поиска, судья расценивает уже таланты натаскика и к тому же вторично, ибо все элементы дрессировки подпадают под судейский карандаш в самостоятельной последней графе таблицы.

Таким образом, это искусственное соединение по существу несоединимых вещей, приводит к трем порокам: смешению субъектов и объектов экспертизы и дублету ее по дрессировке.

Еще одна деталь. Я, полагая, что термин "манера" поиска, как допускающий некоторое эстетическое представление, в виде страстности движений, своеобразии приема нести высоко голову и пр., следовало бы заменить термином "форма" или "фигура" поиска, что было бы более правильным и в филологическом смысле и по сути дела. Должна расцениваться именно форма поиска, его фигура на поле, тогда как все эстетические элементы расцениваются в самостоятельной графе таблицы.

Практическая кинология знает две основных формы поиска, которые могут варьироваться в разных оттенках, приближаясь все же то к одному, то к другому типу, - это поиск "на кругах" и поиск "челноком".

Недостатки первой формы сводятся к тому, что собака вынуждена вторично обходить уже раз обойденные места, что, естественно, противоречит принципу экономии времени и силы.

Поиск "челноком" свободен от этого недостатка и является классической его формой. Геометрические преимущества "челнока" очевидны и не для математиков.

Некоторая средняя форма отмечена Лесняком, как поиск углами, наблюдавшийся автором на Гатчинских испытаниях 1912 года. По существу своему он является уродливой формой того же "челнока", сознательно созданной егерями, с целью возможно скорее найти первым птицу.

Однако, все преимущества челнока мгновенно рушатся и добычливость его становится не выше "кругов" - если ширина параллелей не соответствует силе чутья. Искусство натасчика должно заключаться не только в том, чтобы придать поиску правильную геометрическую фигуру, но именно в том, чтобы приучить собаку ходить по параллели такой ширины, которая как раз отвечает силе чутья.

При слишком большой ширине "челнока" собака будет оставлять необысканные пространства, увеличивающиеся в объеме пропорционально увеличению ширины "челнока". В этом случае возможны всякие сюрпризы, вплоть до появления птицы в тылу собаки и спарывания дичи. Обратно, при малой ширине "челнока" собака, в нарушение принципа экономии силы и времени, будет, так сказать, повторять пройденное, создавая для себя излишнюю работу.

С точки зрения существующих правил, при расценке поиска решающим моментом является его форма, без учета самого важного обстоятельства - ширины параллелей. Выяснить это соотношение чутья и ширины "челнока" едва ли возможно иным путем, кроме экспериментального, ибо, как было показано выше, сама расценка чутья представляет из себя весьма трудную и сложную задачу.

Выработка "челнока" специальными заборами или изгородями, как это делается на Западе, плюс огромный ход трайлера, механизмируют собаку, делая из нее живой автомат, лишенный инициативы, столь полезной в условиях охоты. Такие собаки вызывают у М. Д. Менделеевой презрительную улыбку. Вколотенный геометрический ход действительно лишает часто собаку возможности блеснуть своими чисто полевыми достоинствами, инициативой и сообразительностью. Вот почему мне понятна, казалось бы, странная просьба одного егеря, который, по словам Аркрайта, просил у владельца собаки разрешения испортить ей поиск, чтобы выиграть поле на фильм-трайльсах.

Характеристика качества числом, как метод, может иметь ограниченную сферу применения. Измерять или взвешивать возможно лишь то, что, вообще, может укладываться в числовые формулы. Психические и физиологические качества живого организма - область почти не доступная метрической системе.

Правда, наука с каждым днем расширяет сферу применения этого числового метода и такому измерению, с изобретением остроумнейших приборов, стала доступной и физиологическая область. Например, исследование явлений утомления регистрируется особым аппаратом, называемым эргографом. Однако числовой характеристике могут подвергаться лишь те физиологические функции, для которых найдена единица измерения, т.е. некоторая весовая или пространственная величина, устанавливающая такую характеристику качества регистрирующими приборами.

Этих предпосылок в отношении чутья, понимая под этим, чисто охотничьим термином, комбинацию физиологических и психических функций, нет. Мы не знаем еще с достаточной точностью природы чутья и тех законов, коим подчиняется проявление этого качества внешне, как равно и тех условий среды, которые на проявление силы его имеют такое огромное влияние. Если из понятия чутья выделить только его основную часть, т.е. обоняние, то качество это, как самостоятельное, может быть подвергнуто измерению с известной долей точности, на основе простейшего опыта. Но когда от нас требуют выразить числом чутье, как сочетание разных функций организма в разнообразных условиях поля, то задача эта становится похожей на... квадратуру круга.

Но допустим на минуту гипотезу, что у некоторых наших судей органы чувств, напр. зрение - обострено до степени точности физических приборов. Все же в этом случае возникают два новых вопроса. Каким способом сделать одинаковыми условия среды, неизбежной предпосылки для сравнительной расценки собак, и как внешне, хотя бы в смысле длины потяжки и подводки, выражается линейка собачьего носа с 25-ю делениями?

Рассматривая отдельные отметки по чутью в таблицах испытаний за старые годы, я не мог себе представить внешнее выражение этих цифр на поле... Какой пространственной единицей различается чутье в 20 баллов от 18-ти баллов и т.д.

Крайними точками официальной шкалы чутья мы имеем 0 и 25. В пределах этих двух полюсов и заключается сила чутья собаки. Вот этот 0 означает полное и абсолютное отсутствие чутья - случай, вообще трудно вообразимый. Единица уже какое-то чутье, предельно минимальное, находящееся на границе бесчутости. Два - следующая ступень, грань которой невооруженным глазом нельзя отличить от предыдущего балла. Три - уже кое какое чутышко, с потяжкой в... два сантиметра и т.д.

Какая чудовищная схоластика, выдуманная кабинетными охотниками. Ведь, если такая схема не существовала бы в действительности, можно было бы подумать, что она выдумана сатирическим гением Раблэ.

Итак, низшие ступени расценочной лестницы - одно недоразумение, вызывающее улыбку. Посмотрим, что делается на верхушках...

Двадцать пять баллов предел чутья. Это воображаемый идеал, без конкретного содержания. В нашей литературе имеются указания на грандиозные потяжки, подтверждаемые обыкновенно честным словом автора. У наших жрецов практической кинологии этот предел указан в сорок метров. Доманже считает, что уже десять метров характеризует чутье чрезвычайно дальнее.

Оставляя совершенно в стороне отмеченные старыми охотниками случаи феноменального чутья, как курьезы, свидетельствующие о природных способностях охотников к гиперболе, думаю, что Доманже, производивший эксперименты, прав, и десять метров есть действительный предел блестящих возможностей собачьего носа.

Все эти чудеса, описываемые охотниками, может быть и имели место при исключительно благоприятных условиях, когда птица спасалась ногами, и это бегство ускользнуло от "орлиного" взора судьи.

Исключительной убедительностью дышат следующие слова Доманже, подлинного мастера своего дела: "...Действительно коротким чутьем будет обладать та собака, которая, при слабом встречном ветре и средней температуре, учуивает одиночную куропатку в жнивье на расстоянии только 50 сантиметров. Собака, которая чует на 10 метров, имеет уже чутье чрезвычайно дальнее. Речь идет не о только что переместившейся куропатке, не о куропатке в стае, а об одиночной куропатке, находящейся в данном месте не менее получаса. Метры, о которых я говорю, не какие-нибудь фантастические, а настоящие метры, которые одобрил бы даже инспектор мер и весов. Если бы настоящие метры были немножко более в ходу у охотников, мы бы реже слышали о собаках с чутьем на 300 метров, и о зайцах, убитых на сто двадцать... Скажу не хвастаясь, что я видывал прекрасных собак, если даже не лучших из всех, и должен сказать, что на весенних испытаниях, времени, когда куропатки пахнут сильнее всего, а земля пахнет еще очень слабо, лучшие собаки не чуют одиночных, затаившихся куропаток далее 10 метров... Повторяю за 8ата1, что чаще всего дают сбивчивое представление о чутье те случаи, когда дичь бежит, оставляя на своем следу молекулы запаха. Кажется, что собака чует бегущих куропаток на огромное

расстояние, но при таком способе суждения надо допустить, что гончая чует зайца часто на два километра".

При свете этих наблюдений Доманже рушится фантастика наших охотников, иначе придется допустить, что французские и английские собаки - жалкие ремесленники, по сравнению с нашими русскими артистами... Разница во мнениях огромная, как будто шаги эти измеряли... то Гуливеры, то лилипуты.

Но самое важное в том, что свои идеалы наши судьи выражают различными цифрами. При гипертрофированном представлении силы чутья - расценка одного судьи будет относительно меньше расценки другого судьи, с более скромным идеалом.

Таким образом, шкала чутья наших охотников должна завершаться приблизительно 40 метрами, тогда как вся шкала Доманже ограничена пределами 50 сантиметров и 10 метров.

Если иметь в виду, что сила запаха обратно пропорциональна квадрату расстояния, то различие этих идеалов приводит к некоторому кинологическому сюрпризу.

Предлагаю любителям математики вычислить во сколько раз сильнее чутье собаки по идеалу Гернгросса, другой собаки с предельным чутьем по Доманже...

Не правда ли, астрономическая цифра... В логике это называется *reductio ad absurdum*.

Итак, чтобы не ссориться со здравым смыслом, признаем все эти пределы героического чутья за результат скорости птичьих ног и исключительно благоприятных атмосферных условий.

По основным свойствам человеческой психики, у каждого судьи, пока вопрос о пределе чутья не разрешен на основе опыта, будет своя собственная шкала.

Нельзя сказать, чтобы такой порядок способствовал процветанию национального собаководства.

Итак, сколько судей, столько и различных шкал.

На практике, говорят мои противники, никогда таких противоречий не наблюдается, и, в большинстве случаев, баллы за чутье или какое-либо другое качество проставляются солидарно всей судейской коллегией.

Этому есть два объяснения, если действительно в "совещательной комнате" полевых испытаний испокон веков царили мир и согласие.

Во-первых, как общее правило, в аспекте судьи всегда стоит шкала не в 25 баллов, а в 10. Обычно чутье расценивается в пределах от 25 до 16 баллов, т.е. законной нормы, необходимой для диплома третьей степени. Баллы ниже 16-ти проставляются как исключение.

Просмотрев в четырех томах "Ежегодников О. Л. П. С." сто пять расценок чутья на разных испытаниях, я обнаружил эту статистическую закономерность, заключающуюся в ничтожной использованности хвоста расценки в порядке пятнадцати последующих баллов. Самый низкий балл 9 (три случая) и только в одном случае 8. Ниже этой ступеньки судьи не спускались по кинологической лестнице.

Отбросив эти хвосты, судьи уже оперируют с ограниченным количеством баллов, близким к практическому применению.

Отрицательно относясь к балловой расценке чутья, Доманже все же считает возможным "между 50 сантиметрами и 10 метрами построить шкалу, на которой отметить постепенные переходы... от очень короткого чутья, к короткому, сносному, довольно хорошему и хорошему и, наконец, к чутью длинному и очень длинному".

За пределами этих возможных семи делений чутья, и то в условиях более совершенных правил испытаний, находится непроходимый лес схоластики, со сказочными деревьями в 4 и еще менее баллов.

Вторая причина солидарности судей при постановке баллов, вошедшая в обычай, сводится к факту, что судит всегда один, который здесь же на поле совершает переворот... и царствует. Остальные судьи просто "министры без портфеля".

Я не нарушу тайн "совещательной комнаты", если скажу, что кинологическую тройку тащит коренник, а пристяжные запряжены... для традиционного ансамбля. Если и бывают случаи, когда судьи восстают против "монарха" испытаний, то "природная" деликатность и хорошее воспитание заставляют их обходиться без излишних телодвижений.

Какие бы доводы ни приводились в пользу обратного положения, тем не менее на поле всегда один авторитет, два остальных - "вице-авторитеты", склоняющие свои судейские карандаши, как знамена, перед "первым из равных".

Вот почему мы, ростовчане, со свойственным нам радикализмом, отстаиваем идею, что на поле, как и на ринге должен судить один судья. Защитники "тройственного согласия", укрепляя свои позиции, говорят, что один судья не всегда сможет видеть работу собаки полностью. Однако, иметь на поле двух "вице" авторитетов только для того, чтобы они оберегали от "зевков" премьера, едва ли может быть оправдано логикой вещей.

Итак, вот в чем секрет солидарности судей, а не в безупречности, точности и правильности таблицы.

В своем докладе я уже несколько раз подчеркивал, что характеристика качества числом, как метод познания, несостоятельна, по крайней мере, в отношении таких вещей, которые допускают чисто индивидуальное восприятие.

Красота и стиль работы легавой собаки - не есть физическое явление, могущее быть измеренным метром или граммом.

Расценивать баллами впечатление от кисти Врубеля, резца Антокольского или музыки Мусоргского может лишь человек, страдающий... навязчивыми идеями математики.

Вопреки учению Пифагора о том, что число есть мера всех вещей, в горло певца нельзя всунуть шкалу с 15-ю делениями. Силу его голоса, основанного на физическом законе, можно измерить, но выразить числом впечатление от красоты его тембра это такой же эстетический абсурд, как расценка баллами стиля и красоты работы подружейной собаки.

Составители расценочной таблицы, право, напоминают того персонажа Ч. Диккенса, который в педагогическом увлечении пытался все взвесить и отмерить... отметками.

Несмотря на классическую работу Мошнина, выявившего с особой четкостью понятие "стиля" и "красоты", тем не менее, эти чисто эстетические понятия допускают чрезвычайную пестроту впечатлений, основанную на особенностях человеческой души своеобразно преломлять лучи прекрасного.

Красота не имеет общеобязательных признаков. Как и безобразие, она является лишь особого вида эмоцией, меняющейся в пространстве и времени.

Чтобы расценивать "стиль" и "красоту" по Мошнину, надо обладать исключительной способностью к художественной мимикрии и сильно развитым воображением.

Единственное возражение может сводиться к тому, что красота работы имеет свои объективные признаки, напр., страстность движений, дерзость поднятой головы, пламень глаз и т.п... Но все это тоже кинологический абсурд, ибо любая эстетическая схема или таблица всегда будет для прекрасного... прокрустовым ложем.

Попытка составить "прейскуранты" красоты, т.е. перечислить ее объективные признаки - задача близкая к квадратуре круга.

У каждого судьи есть свой собственный каталог эстетических признаков, а потому отсюда естественно вытекает вывод на основе логики, что сколько судей - столько и различных расценок "красоты и стиля" работы подружейной собаки.

Я имею частное письмо от одного из самых авторитетных кинологов со стажем в полстолетия судейства, в котором имеется резко отрицательный отзыв о стиле в работе "Бена" А. А. Корша.

Какое противоречие с официальными отчетами... Также расходятся отзывы и о работе "Камбиза". Некоторые судьи говорили мне, что ход "Камбиза" напоминает собою беготню расшалившегося теленка, по манере дрыгать как-то вбок задними ногами.

Вот как разнообразно воспринимается красота отдельными лицами. Я не говорю уже о том, что многим "принципиально" не нравится работа трайлеров - этих "Рольс-Рольсов" с чутьем, они предпочитают "фордзонов" поля - немецких легавых, при чем в особенностях работы их видят своеобразную красоту и приходят от нее в такое же восхищение, как и мы, пойнтеристы, от работы своих собак дальнего поиска.

Таким образом, никаких прейскурантов красоты быть не может, ибо впечатление от прекрасного есть звуки неведомого инструмента, заложенного в человеческой душе. Я отнюдь не умаляю этим значение статьи Мошнина, ставшей кинологическим катехизисом для многих судей. Я сам большой поклонник его таланта, но... можно изучить все три тома лекций по искусству Ипполита Тэна и не понимать игры света и теней Рембрандта, демонических ужасов Гойи или нежности красок Тициана.

Мой общий вывод сводится к тому, чтобы описание красоты работы имело самостоятельное место, как индивидуальное впечатление судьи вне балловой расценки.

Теперь несколько слов по другому поводу. Опять расценивается в этой графе два понятия, так сказать, солидарно.

Надо думать, что законодатель таблицы неосновательно предполагал будто "красота" и "стиль" - синонимы. Такое положение неверно, ибо филологически - это вещи разных категорий. Красота не имеет никаких канонов и представляет из себя сумму своеобразных эстетических эмоций. Стиль же есть синтез признаков, характеризующих внешнее выражение этой красоты - в историческом, национальном или бытовом разрезе. Раскрыть материальное содержание стиля уже возможно, отметив и разложив в определенном порядке его объективные признаки.

Посему правильнее - понятие "красоты", вообще, исключить из расценки, оставив лишь "стиль" работы. Это будет верно еще и потому, что каждой породе свойственен свой собственный стиль. И судейский карандаш обязательно должен с этим считаться, ибо любители одной породы могут восторгаться стилем, присущим одним собакам, и оставаться равнодушными к стилю другой породы. Пойнтера, англичане, ирландцы, гордоны и континентальные легавые имеют свои собственные признаки стиля, состоящие из характерных деталей хода, поиска, потяжки, стойки и манеры пользоваться чутьем.

Итак, оставаясь эстетам, все же по генетическим соображениям, предложим любезно красоте удалиться из расценочной таблицы, оставив лишь стиль, но не в форме баллового, фармацевтического приговора, а в виде самостоятельного судейского описания.

По существующим правилам - потяжка и подводка, хотя они и объединены одной графой, но расцениваться должны отдельно. Для "измерения" первого качества законодатель отвел 4 балла, а для второго - 11 баллов.

Почему взята именно такая пропорция между ними и почему двум качествам этим отведена только седьмая часть всей таблицы, никто не знает. Оставим эти "мелочи" и не будем раздражать первосвященников кинологии.

Второй вопрос, вытекающий из ближайшего ознакомления с этой графой, сводится к следующему: какова же природа этих качеств, ибо, чтобы правильно судить, надо знать, что судить.

Глубоко права М. Д. Менделеева, утверждая, "что довольно смутные, неустановившиеся представления о потяжке приходится встречать даже в среде близко стоящей к рабочей собаке, к полевому спорту. Даже там иной раз не отличают потяжки от подводки".

Таким образом, проведение настоящей границы между этими двумя понятиями и установление механизма их представляется существенно необходимой вещью. Потяжкой называется такое поведение собаки, связанное с изменением хода и другими характерными чертами движений, которое начинается с момента уловления запаха эманации и заканчивается стойкой.

Психологически оно обрывается на том моменте, когда собака ясно и отчетливо разрешила в утвердительном смысле вопрос о присутствии дичи. Вот этот последний момент потяжки завершается стойкой.

Схватив во время хода эманацию, собака инстинктивно задерживает ход и меняет аллюр, чтобы иметь возможность вернее разобраться в запахе. Сохраняя прежний, быстрый ход, собака легко может впасть в ошибку, вплоть до наскака. Таким образом, быстрота поиска как бы обратно пропорциональна психической способности собаки разбираться в запахах.

"Если, говорит Доманже, вы медленно проходите мимо известного запаха, вы успеете во всем его объеме обонять; когда вы бежите, вам это удастся в гораздо меньшей степени, а если вы проедете мимо на автомобиле, весьма возможно, что вы его вовсе не услышите, будь он сколько угодно силен".

Из этого прекрасного образного сравнения совершенно ясно, почему трайлеры, как общее правило, не имеют потяжки.

Стойкой, т.е. моментом четко осознанного присутствия дичи, заканчивается потяжка и начинается подводка. Этим качеством выполняется служебная функция собаки - поднятие птицы на крыло. В противоположность потяжке - природному качеству - подводка достигается "дрессировкой" и ее Доманже называет "стойкой на ходу".

И вот, когда в свете этих замечаний начинаешь задумываться над вопросом, что же именно расценивается баллами в потяжке и подводке, то неожиданно приходишь к парадоксальному выводу о необходимости полного изгнания этой графы из таблицы.

Если четырьмя баллами расценивается, на-глаз или шагами, длина потяжки, суммированная с длиной подводки по затаившейся птице, то в этом случае она является показателем дальности или резкости чутья, которое уже расценено в первой графе.

Может быть следует расценивать некоторую четкость движений, дающую возможность вполне ясно запечатлеть в памяти начальный и конечный момент потяжки? Но это "стиль работы" и должно расцениваться в другом месте.

Остается совершенно неясным вопрос - с какой практической целью должна расцениваться потяжка и что именно нужно вложить в шкалу с 4-мя делениями. Я не могу себе представить потяжки, с расценкой в один, два, три балла, ни в смысле ее характера, ни в смысле длины.

Теперь о подводке. Не может быть двух мнений о том, что в подводке расценивается степень ее плавности или мягкости, или, выражаясь прекрасным языком Д. М. Менделеевой, "героической решимости, сохраняя полную вежливость, приближаться к затаившейся птице".

По обе стороны этого идеала и должны спускаться грани балловой расценки, упираясь в одном конце в "мертвую стойку", а в другом конце в бросок, культивировавшийся старыми охотниками при команде: "пиль".

Предоставленные законодателем 11 баллов чрезмерно велики и могли бы быть, без всяких затруднений, сведены к трем баллам, вполне вмещающим все оттенки подводки.

Но, к сожалению, и здесь есть но...

Во-первых, подводка - результат дрессировки и натаски, в противоположность потяжке, как чисто природному качеству. Следовательно, проставляя балл за подводку, судьи фактически расценивают не собаку, а натасчика. Было бы более логично этот эффект натаски описывать отдельно, в самостоятельном отделе отчета.

Во-вторых, эта подводка, но в другом своем наряде, под видом твердости стойки - уже расценивалась или будет расцениваться по моей схеме двумя баллами, по схеме Г. П. Карцева плюсом и минусом.

По существу - твердая или мертвая стойка - и есть отсутствие подводки, по крайней мере, так внешне она выражается. В виду принципиального тождества этих двух явлений, Доманже и называет подводку "стойкой в движении".

Далее следует иметь в виду, что нельзя требовать от собаки подводки, когда птица затаилась под носом. Такое приказание противоречит вежливости к дичи и будет просто сгоном птицы, как правильно утверждает М. Д. Менделеева.

Другое положение создается, когда птица находится на почтительном расстоянии от носа собаки; отсутствие в этом случае подводки - уже порок. Но и в этом случае, подводка должна продолжаться до минимально возможного расстояния, за пределы которого кровная собака не должна выходить, не нарушая хорошего тона и полевого этикета.

Момент, когда собака стоит в пластической позе перед затаившейся дичью, как бы загипнотизированная запахом птицы, - и есть стойка.

Качество это присуще всем хищным животным, будь то кошка, тигр или змея. Для хищников стойка последнее напряжение всего организма перед прыжком. Некоторой аналогией может служить натянутая до отказа пружина.

У собаки это качество представляет из себя атавистический пережиток далекого эволюционного периода, когда собака охотилась самостоятельно и не знала домашнего очага. У современной подружейной собаки, облагороженной старинной дружбой с человеком, стойка потеряла свой хищный смысл и стала лишь средством указания и задержки дичи. Ценность этого качества колоссальна, ибо без него нет охоты с собакою.

По нашим правилам испытаний - стойка расценивается пятью баллами. Почему именно пятью, а не десятью или другой какой-либо цифрой - ответа получить нельзя, ибо он скрыт на дне души законодателя. Мы не знаем, какой объединяющей идеей руководствовались составители таблицы, распределившие сто общих баллов по шести графам. Ответа опять нет. Но допустим, что такой критерий имелся, однако он не доступен для нас, как и много других вещей, которые старушка история ревностно скрывает от современников.

Что же все-таки должно расцениваться этими пятью баллами. Твердость, продолжительность или эстетика... Все ли три качества вместе, каждое порознь или два из трех, в каком-нибудь сочетании.

Жрецы кинологии будут саркастически улыбаться над наивностью подобного рода вопросов, хотя дело обстоит не так просто, как это кажется на первый взгляд.

По-видимому, эстетика не должна входить в балловую расценку стойки, ибо красота и стиль, как и другие качества этой категории охватываются самостоятельным параграфом.

Иначе получается излишнее дублирование балла.

Если же расценивается продолжительность стойки, то тогда единственным мерилom ее будет время, при чем продолжительность эта должна охватывать период от начала стойки до отхода от нее... по собственной инициативе собаки.

Опыты, которые производились в Англии, как это было, например, с "Юно", который стоял на стойке все то время, которое понадобилось для зарисовки его портрета, - никакого практического значения не имеют.

По наблюдениям Г. П. Карцева, продолжительность стойки, в смысле времени, конечно, варьирует в зависимости от породы. "Дольше всех, говорит он, будут стоять сеттера, пойнтера и все браки, менее продолжительно - ретриверы, спаньели, терьеры и таксы и очень непродолжительно - лайки, гончие, пуделя и все породы сторожевых". "При одинаковых условиях, продолжает Г. П. Карцев, влияющих на чутье: силы ветра и его направления, неподвижности объекта охоты, индивидуальность не влияет на стойку, каждая собака будет стоять твердо и продолжительно".

Таким образом, по наблюдениям Г. П. Карцева, каждая собака, если это не убудок, должна стоять неопределенно продолжительное время перед затаившейся дичью. Если же дичь спасается ногами, то кровная собака может и передвинуться, дабы не утерять с чутья птицу. Однако, у некоторых собак наблюдается иногда желание, по собственной инициативе, схватить дичь. Это жесточайший порок - редко встречающийся у высококровных собак.

Из изложенного видно, что продолжительность стойки есть, во-первых, врожденное качество, а во-вторых, необходима для охоты, особенно для собак дальнего поиска, когда охотнику требуется некоторое время, чтобы подойти к далекой собаке.

Я знал одного пойнтера, в котором несомненно была кровь брака, что можно было угадать по характерным линиям головы, вот с такой непродолжительной стойкой. Обладая широким поиском, он часто становился далеко, а потому владельцу приходилось "рысью" спешить к нему, иначе он по собственной инициативе поднимал птицу на крыло.

Имея в виду, что по схеме, предложенной Г. П. Карцевым, продолжительность стойки варьирует в зависимости от породы и, что это врожденное качество исключительно ценно для охоты, - следует признать необходимость расценивать продолжительность стойки самостоятельно. Для этого отнюдь не надо никакого хронометра и критерий расценки будет таков: если собака неопределенно долго, сколько этого требует охота, стоит перед дичью, - продолжительность ее достаточна и может быть выражена двумя баллами; если же собака без приказа двинулась со стойки, имея в виду поднять птицу на крыло, а не следовать за уходящим запахом, то продолжительность стойки недостаточна, и в этом случае может быть поставлена единица, так как ноль означает полное отсутствие стойки.

Теперь о твердости стойки, т.е. о полной сосредоточенности, абсолютном внимании собаки, направленном только на дичь.

В этом свойстве - монументальности позы собаки проявляется сила страсти ее и вся сумма охотничьих эмоций. Некоторая рассеянность внимания - есть признак не особенно высоких кровей и производит отталкивающее впечатление. Я знал одну весьма чуткую собаку, которая однажды на стойке начала ловить муху, севшую ей на крестец. Закончив эту операцию, не сходя со стойки, она по приказанию хозяина подняла птицу на крыло. Истинного спортсмена такое поведение собаки может привести в ужас. Все впечатление испорчено. Подобный ужас можно пережить и в том случае, когда какой-нибудь артист, в самом патетическом месте своего исполнения... почешет крестец.

Вот эту твердость стойки, имеющую такое огромное значение, вполне достаточно расценивать двумя баллами, ибо ноля опять быть не может, так как полное отсутствие твердости - равносильно полному отсутствию стойки.

Вообще вопрос о механизме стойки и о внешних выражениях этого качества, вызывает много недоуменных вопросов и требует экспериментальной обработки. Твердость стойки, в смысле полноты внимания и монументальности позы, несомненно, врожденное качество, которое должно расцениваться в пределах двух баллов.

Итак, мое предложение сводится к тому, чтобы единую графу "стойка", в которой фактически опять расценивается два разных свойства, хотя и одного явления - разделить на две графы.

В этой своей ереси я тоже не одинок. Такой почтенный представитель старой гвардии, как Г. П. Карцов, солидаризируется со мной следующими словами:

"Мне непонятно, почему к стойке, при оценке легавых, применяют пять баллов, когда достаточно было бы ограничиться тремя знаками, равнозначными понятиям: отсутствию стойки, нетвердой, т.е. не указывающей на полное нервное напряжение животного до оцепенения, и твердой, крепкой стойки, доходящей иногда до нежелательной продолжительности ее, изводящей охотника, вследствие невозможности при тугой стойке добиться поднятия птицы на крыло. На мой взгляд, как чутье невозможно оценивать баллами, так и такое свойство, как стойка, также не поддается измерению цифрами и если уже необходимо вводить математику в суждение о внутренних достоинствах или недостатках собаки, то стойку следовало бы оценивать тремя знаками: 0, 1, 2, при чем цифру 2 я предложил бы выставлять при положительном знаке + 2, если подача птицы при стойке была после приказанья "вперед", и с отрицательным знаком - 2, если после приказанья "вперед" - собака не двигалась и никакие ухищрения натасчика не помогали, при помощи собаки, заставить птицу подняться".

Таким образом, Г. П. Карцов также считает необходимым разделить одну графу, посвященную стойке, на две, ибо арабскими цифрами он расценивает ее твердость, в смысле напряженности, а алгебраическими знаками, + и -, ее продолжительность.

Я согласен с ним, так как разными приемами мы по существу выражаем одно и то же.

Единственное несущественное различие сводится к тому, что я отрицаю балл 0, так как он знаменует собою полное отсутствие этого качества, как в смысле твердости, так и в смысле продолжительности. Без стойки - не может быть подружейной собаки. Она подлежит немедленному снятию с поля.

Несмотря на то, что общепризнанным смыслом полевых испытаний является отбор производителей, тем не менее на листе правил имеется некая клякса, в виде самостоятельной графы под заголовком "дрессировка".

В результате - неопытность егеря или небрежность владельца, а иногда и то и другое, оказывают решающее влияние на полевую судьбу собаки. Экземпляр, подвергавшийся экспертизе в кавычках, при огромном чутье, стильном широком поиске и т.д. по третьей птице... погнался. Мгновенной отметкой судейского карандаша участь такой собаки решается. Случаев таких или им подобных можно привести сколько угодно. Кто же, в конце концов, подвергается исследованию, собака или егерь? Возьмем не такой грубый пример. Собаке, не обнаружившей четкости послушания, снижается балл за дрессировку, что в свою очередь влияет на получение диплома, так как не хватает нескольких баллов... до законной нормы. А, между тем, собака эта по своим полевым качествам не уступает своим соперникам, которые имели счастье проходить школу дрессировки у более опытного егеря.

Если честно и открыто признать исключительно состязательный характер испытаний, то тогда такие случаи следует считать нормальным явлением, ибо мало ли какие правила можно выдумать... для игры на призы. Постараюсь понять моих оппонентов и стать на их точку зрения. Может быть, расценивая дрессировку, судьи преследуют все же некоторую генетическую цель, ибо хорошая дрессировка, четкое и охотное исполнение Приказаний свидетельствуют о мягкости характера, который уже передается по наследству. Но и это неверно. Теперь, когда в свете работ проф. Павлова раскрыта загадка механизма дрессировки животных вообще, сводящаяся к выработке условных рефлексов, можно положительно утверждать, что собаку всякого характера, за исключением каких-либо феноменов тупости или злобности, можно выдрессировать по всем правилам искусства.

Кстати сказать, эти научные принципы проф. И. П. Павлова, еще до опубликования его работ, применялись Доманже и нашим кинологом Сабаневым. Первый применял систему т.н. рутинизации, а второй - систему награды, заключающуюся в выдаче собаке вкусового поощрения до той поры, пока у нее не вырабатывались условные рефлексы.

Таким образом, по результатам дрессировки отнюдь нельзя судить о ее характере. Из приведенного выше примера высокой школы дрессировки бельгийца Асторпа, мы видим, каких поразительных достижений можно добиться в этой области, но характер собаки, по раз увиденному результату, все же нельзя определить... в числовой форме.

Тот же самый вывод следует сделать и по проектам некоторых кинологов ввести в таблицу расценку ума и характера собаки, понимая только ум в охотничьем смысле.

Это уже совсем безнадежная затея, ибо тех средних полчаса, которые уделяются собаке на испытаниях, совершенно недостаточно, чтобы расценить такие деликатные вещи, как ум и характер.

Для определения степени развития собаки или проявления охотничьей сообразительности, фильм-трайльсы совершенно неподходящий институт.

Наконец, те формальные требования, которые предъявляются к собаке, сводятся лишь к спокойствию после выстрела и взлета птицы, аппелю, точному хождению у ноги, "даун" по приказанию голосом или поднятию руки и, слава богу, отвергнутому отзыву от стойки.

Все это достигается весьма несложными приемами и ни в какой мере не является показателем ума. Наоборот, наблюдаются весьма часто обратные явления, когда самая заурядная полевая собака обнаруживает большие духовные способности.

Таким образом, имея в виду, что дрессировка в пределах программы испытаний лишена всякого генетического значения, что она не может быть показателем ни ума, ни характера собаки и что, наконец, условия, в которых производятся испытания не дают возможности выявить эти качества, я считаю необходимым также исключить из расценочной таблицы дрессировку, предоставив судье возможность в своем отчете отметить все обнаруженные им недостатки дрессировки. Этим я отнюдь не хочу сказать, что "гончих" собак нельзя снимать с испытаний и пр. Их можно и должно лишать всяких призов даже на состязаниях, но их полевые качества должны расцениваться такими, какие у них выявились.

Несовершенство правил полевых испытаний не может быть оправдано их "многолетием". Надо шагать в ногу со знанием и практикой, которые неудержимо стремятся вперед в потоке времени. Московские правила доживают свои последние дни, и мы, из уважения к их почтенному возрасту, должны устроить скромные, но искренние похороны. Они выполнили свою историческую роль, ибо ранее ничего более совершенного им не было противопоставлено.

Признавая все же большое спортивное значение за этим институтом, и считая, что в таком вопросе, весьма деликатном, нельзя вести политики слона в фарфоровой лавке, дабы не разбить не только исторические ценности, но и другие необходимые нам вещи, я полагаю, что спуск к новой форме испытаний должен быть произведен... на тормозах.

Мы рискуем остаться без крова, если кинологическое здание начнем разрушать, не имея сил и средств построить новое.

Действительно, точное исследование полевых достоинств собаки может быть произведено только на основе экспериментального метода. Об этом западные кинологи говорят уже давно, да и в русской литературе тоже раздавались такие же призывы одиноких рационалистов. Но метод этот требует разработки, и может быть осуществлен коллективным усилием тех собаководов, которые хотят идти вперед, уважая и прошлые огромные достижения и ушедших в иной мир талантливых охотников. Почтительно склоняя свои знамена, я считаю себя учеником Г. П. Карцева, Б. Д. Вострякова, М. Д. Менделеевой, А. В. Столярова и др. блестящих теоретиков и опытных охотников, и хочу лишь под углом зрения нового знания дать характеристику всех недостатков испытаний.

Всякий, хорошо знающий охотничью и кинологическую литературу, увидит, что мои дерзкие мысли - есть отраженный свет того, о чем другие говорили и до меня. Самоуверенно не преувеличивая своей роли, скажу словами А. Франса, что я, как пчела, собирал душистую пыльцу чужих растений, чтобы приготовить мед своего труда.

Я не анархист... Я не покушаюсь на уничтожение святынь кинологии, я предлагаю произвести капитальный ремонт того здания, в котором ныне тесно и душно жить, и одновременно, поскольку для этого хватит сил и средств, строить новое здание по всем правилам кинологической архитектуры.

Если я порой и обрушиваюсь на "старообрядцев", то имею в виду лишь только тех, о которых Доманже говорил, что "легче превратить сахар в алмаз, чем изменить серое вещество их мозга".

Думаю, что многие, ушедшие от нас имена, как напр. Мошнин, были бы со мной, если верить характеристике друзей покойного, утверждающих, что главным недостатком Мошнина была его склонность к новизне.

Друзья и камердинеры всегда бывают плохими биографами. Я не понимаю лишь оппозиции ради оппозиции или дискуссии в целях своеобразного диалектического спорта. Безнаказанно нельзя ломиться в открытую дверь, не рискуя разбить себе лоб. Софистика - не наука, а... гимнастика мысли.

Мое первое и основное положение сводится к тому, чтобы испытания переменили свою фамилию на состязания, что отвечает сути дела, а не паспорту, выданному при крещении.

Далее, я предлагаю реформу правил на основе их зачистки от схоластической пыли; создание материального полевого права, в виде четких и ясных норм по предметам испытаний, т.е. полевым качествам собаки; проведение водораздела между признаками эстетическими, приобретенными и наследственными, и, наконец, полное изменение балловой таблицы на основе логики вещей, чтобы она впредь не давала безграничного простора фантастике судей, возможной при цифровом ее плеоназме.

Что же касается экспериментального метода, то основы его, программа исследований и принципы организации - могут быть выработаны коллективным усилием кинологов.

Изложение его отнюдь не входит в предмет моей работы. Заканчивая ее, для сведения моих оппонентов, я хочу сообщить следующую историческую справку.

Когда однажды с религиозным энтузиазмом спорили схоласты на тему: - сколько зубов помещается во рту лошади, случайно присутствовавший какой то ученик Эразма Роттердамского крикнул:

"Перестаньте спорить. Откройте рот моей лошади и... пересчитайте зубы"...

Вот в этом идея экспериментального метода.

А. Рази.

КОММЕНТАРИИ.

I.

Автор "Очерков" подверг критике так называемые "московские правила" и принятые на Первом съезде кинологов, принципиально ничем не отличавшиеся от предыдущих, "Правила полевых испытаний легавых подружейных собак", которые мало отвечали генетическим задачам, а по своей форме и методам были правилами спортивных состязаний.

После организации испытательных станций в начале 30-х, прежние массовые, громоздкие "испытания" сами собой разделились на собственно состязания и собственно испытания. Наконец-то, и те и другие получили свою настоящую "прописку". На испытаниях исчезли ненужная атрибутика и, главное, категоричность требований и лимит времени. Собак стали испытывать до полной ясности о их достоинствах и недостатках, в относительно однородных и благоприятных условиях и т.д.

Первую испытательную станцию под Москвой возглавил сам Гернгросс. Не мог маститый метр, апологет "московских правил", выпустить из-под контроля такое важное начинание, поэтому все попытки Б. М. Новикова и других думающих кинологов кое-что изменить в Правилах, хотя бы в свете нового подхода к экспертизе, были в корне пресечены.

П.

Рази поднимает вопрос о дифференциации "чутья", "поиска", "потяжки и подводки", а также "стойки" уже в 1925 году, и очень убедительно аргументирует свою позицию. Но только после гибели Родиона Федоровича Гернгросса в 1937, стало возможным вносить изменения в его "детище". Так же, как Гернгросс и многие-многие другие, Арестов Андрей Андреевич Рази был репрессирован в то, недоброй памяти, время. Гибель этих незаурядных личностей в значительной степени обескровила отечественную кинологию. При жизни они яростно спорили, но, как известно, в спорах рождается истина.

Рази констатирует факт: "Следует вспомнить, что большинство выдающихся полевиков проваливались на испытаниях из-за пустых стоек."

Во всем обвинять Правила было бы несправедливо, хотя в ошибках собак отчасти повинны и некоторые нелепые требования при судействе, а отзыв от стойки - прежде всего. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться о более тонкой организации нервной системы у дальночутых собак. Если можно так выразиться, они более ранимы к внешним раздражителям. Поэтому и подход к ним во время подготовки к каждому выступлению должен быть не стандартным, а сугубо индивидуальным, устраняющим перегрузки и причины нервного перевозбуждения - мало иметь скрипку Страдивари, нужно еще уметь играть на ней.

По мнению Рази, общие причины, всегда сводящие результат расценок чутья к случайным величинам, заключаются:

- а) в невыясненности химико-физической природы эманации дичи;
- б) в невыясненности законов распространения ее;
- в) в невыясненности всех факторов (внутренних и внешних), влияющих на силу чутья собаки.

Дальше идут предположения и гипотезы.

С тех пор прошло три четверти века, "а воз и ныне там." Увы...

"В плоскости поглощения одних запахов другими..."

Безусловно, такой фактор существует, но как его учитывать? Если все болото имеет специфический запах, то для всех условия одинаковы, а если только отдельными участками, то не ходите туда, где обнаружена аномалия. А как еще? Не вводить же коэффициенты - избави Бог!

Известны случаи, когда собаки адаптируются к характерному запаху конкретного болота. Это очень заметно, если на таком болоте испытываются местные и попавшие туда впервые. Дня через два, а бывает и раньше, у всех собак шансы уравниваются.

Известная чемпионка, ирландка Чи Красоткина, попав на обширное болото (бывшая река Супой Киевской области), в первый день вела себя, как абсолютно бесчутая. Красоткин был в шоке, и его с большим трудом удалось успокоить... На следующий день, под профессиональным руководством своего хозяина, Чи демонстрировала чудеса легашачьей премудрости местной публике. На данном болоте в разные годы многие собаки показывали очень дальние работы по бекасам, некоторые из них получили диплом 1 ст., в том числе и Чи.

Ветер играет главную роль в распространении запаха (эманации) - в Правилах это всегда учитывалось и учитывается сегодня.

И французские охотники совершенно правы, приписывая инстинкту затаившейся птицы задерживать эманацию перед лицом опасности.

Примеры: перемещенный дупель, особенно куропатка или птица на гнезде.

Снова мулсируется вопрос о пустых стойках.

Для состязаний жесткие требования остаются в силе. На испытательных станциях представляется возможность разобраться в причинах пустостойства, и если причиной является не дефект чутья, то это не значит, что собаку следует дипломировать до устранения данного недостатка. Это касается не только пустостойства, но и любых других недостатков, лишаящих права на присуждение диплома. В таких случаях нужно ограничиться "похвальным отзывом", с полной расценкой работы собаки, а также с точными указаниями: даты, условий места испытаний, погоды, времени суток, температуры воздуха, атмосферного давления. Обязательно нужно указать причины, лишаящие собаку диплома.

Для этого необходимо, чтобы всякая приличная испытательная станция имела:

а) простейшие, но надежные приборы (барометр, измерители: силы ветра, влажности, температуры воздуха и пр.);

б) достаточное количество отловленных перепелов для натаски собак (другая птица не подходит по разным причинам);

в) энтузиастов - знающих, влюбленных в свое дело, но... оплачиваемых, т.к. давно известно, что даром поют только птички.

Имея все это, можно заниматься экспериментами и постепенно выработать приемы и методы, позволяющие избегать "случайностей поля", "ошибок собак" и "заблуждения судей". Но остается еще один фактор - не все собаки проявляют силу своего чутья одинаково по всем видам дичи, большинство чуют куликов (бекас, дупель, но чаще бекас) гораздо дальше, чем перепела или куропатку. (Это факт, установленный многолетней практикой). Поэтому вполне возможны случаи, когда некоторые собаки будут показывать выдающиеся по дальности работы по бекасу или дупелю и весьма скромные по перепелу и наоборот, что бывает, но как исключение.

"...расценка чутья собаки должна всегда корректироваться поправкой на скорость ног."

Ну, уж извините. Если у вас завелась собака, работающая всегда на бешеном карriere, как говорил Л. П. Сабанеев, "скачет, сломя голову" и часто проскакивает дичь, то подарите ее неохотнику. Если она все же делает стойки и почти не пропускает дичи, то продайте ее итальянцам, а себе заведите нормальную, с которой можно охотиться.

Рассуждения М. Д. Менделеевой о том, что всякая пернатая дичь имеет одинаковой силы эманацию, но чует ее собака по-разному из-за специфического образа жизни каждого вида, можно принять с большой натяжкой и то, только в отношении тетеревов и куропаток.

Во-первых - на одном и том же болоте поздней осенью можно встретить и бекаса и гаршнепа, а летом в лугах - бекаса, дупеля и перепела. Условия для всех видов одинаковые, для собаки - тоже, но какая разница в расстоянии прихваток каждого вида!

Во-вторых (опять же в рамках научного эксперимента) - чтобы узнать, усиливается ли и на сколько эманация пропорционально количеству птиц, сидящих близко друг от друга, нужно в одинаковых клетках разместить разное количество перепелов и наводить на них молодых, начинающих работать, собак. Опытные рабочие собаки, как правило, не реагируют на подсадную птицу.

В Правилах все это должно быть и частично уже учтено, в том числе и эффект затаившейся перемещенной птицы, возможно, еще и с не научной скрупулезностью, но надеемся, что в будущем эксперимент внесет свои коррективы.

Снова муссируется вопрос о влиянии скорости на дальность причувствования и необходимости иметь по этому поводу коэффициенты.

С практической точки зрения лучше та собака, которая и достаточно быстра и чутыста, чем в такой же степени чутыстая, но с медленным поиском - нам важен конечный результат - за минимум времени максимум дичи.

Если обе собаки получают одинаковую оценку за чутье, то вторая все равно проиграет первой по скорости. А уж если наша дотошность мешает нам спать, то нужно взять и ту и другую на шлею и по очереди неоднократно навести на перемещенную птицу - проще "открыть рот... и пересчитать зубы", чем вычислять коэффициенты, отдающие схоластикой.

Действительно, трудно сравнивать скорости двух собак, одна из которых идет на длинных машках, а вторая на коротких, но визуально обе скачут с одинаковой скоростью.

По предположению Рази, первой собаке легче уловить эманацию, чем второй. Если это так, то предпочтительней собаки первого типа. И каким образом можно исследовать один элемент работы изолированно от общей работы, движущейся на хорошей скорости, собаки? И что это нам дает, если даже выяснится каким-то сложным способом преимущество обонятельных органов собаки коротких линий, когда в поле эффективность силы ее чутья фактически ниже, чем у первой собаки?

Дальше идут доказательства о влиянии на чутье внешних условий. Имея необходимые приборы и т.д., можно внести достаточную ясность по всем этим вопросам на испытательных станциях... Но где эти станции?

Ш.

Рази справедливо критикует современные ему Правила. Расценочные таблицы тех Правил еще не были дифференцированы, но это не значит, что после дифференцировки, в последующие годы наши Правила стали совершенством. Формулировки основных понятий полевых признаков, подвергающихся экспертизе, и в ныне существующих Правилах оставляют желать много лучшего.

Возможно, что одной из причин неприятия Рази балловой расценки было необоснованно-условное деление на проценты значимости по отношению друг к другу основных качеств легавых собак. Действительно, такой подход во многих случаях приводит к явным нелепостям. Число 100 для большинства кинологов стало магическим, и вот уже более ста лет мы держимся за него, как обреченные. Скорее весь христианский мир, отбросив пустые традиции и амбиции первосвященников разных конфессий, будет жить по единому календарю, чем наши эдилы кинологии (выбираемые не на год, а пожизненно) откажутся от окаменевших догм, доставшихся им по наследству. На смену уходящим эдилам приходят их ученики и даже бывшие оппоненты, но уже изрядно постаревшие и полностью рутинизированные, и "все возвращается на круги своя".

Рази считает необходимым, имея в виду генетическую, а не спортивную цель, разделить признаки на три основные группы: природные качества, приобретенные и эстетические.

Но эстетические качества, если иметь в виду "стиль", характерный у каждой породы, а не абстрактное понятие общей красоты, тоже природное качество и является, прежде всего, породным признаком и только потом (и то кому как) эстетическим.

"Первая группа - полевых, наследственных качеств - должна расцениваться тремя, пятью или, наконец, семью баллами... тогда как расценка других групп должна сводиться только к описательной характеристике."

С первой частью цитаты трудно не согласиться - естественна и логична мысль Рази о конкретном подходе к расценке, а не схоластически-процентному распределению баллов к сумме 100.

Со второй частью цитаты можно поспорить и даже усомниться в убедительности аргументов, которыми автор пытается обосновать свой тезис.

Во-первых - сам Рази очень четко объяснил содержание понятия "стиль" и логически доказал необходимость его обособления от расплывчатого понятия "красота". "Посему правильнее - понятие "красоты", вообще, исключить из расценки, оставив лишь "стиль работы". "Раскрыть материальное содержание стиля уже возможно, отметив и разложив в определенном порядке его объективные признаки". А раз так, то почему нельзя эти объективные признаки (или степень их наличия в каждом конкретном случае) расценивать баллами?

Во-вторых-такие виды спорта, как фигурное катание, художественная гимнастика, прыжки в воду и даже бальные танцы расцениваются баллами. Неужели характерные движения и позы, присущие той или другой породе легавых собак, сложнее танцев на льду?

Если бы во времена Рази было телевидение и т.д. или наоборот, он бы сам прибегнул к такому сравнению (оставив в покое живопись, музыку и поэзию) и ... оправдал бы балловую расценку. Для юристов это естественно - имел же Гернгросс мужество покаяться в некоторых своих заблуждениях.

Приобретенные качества - навыки, необходимые для правильного проявления природных полевых качеств. Что мешает оценивать баллами хорошо или плохо усвоенные навыки, хотя их уровень зависит, главным образом, от натаскика? (Как в школе, хорошо или плохо выученные уроки оцениваются баллами).

Четко зная признаки всех качеств, легко подсчитать, в тех или иных целях, баллы каждой группы, не смешивая их, и в то же время знать всю сумму в целом. При оценке баллами всех качеств легко сравнивать расценки разных собак. И где здесь опасность впасть в необъективность, если за каждым баллом будет стоять конкретное понятие? Нагромождение лишних баллов (плеоназм) создает дополнительные хлопоты, и тут многое зависит от компетентности и добросовестности экспертов.

IV.

Нестомчивость (выносливость) очень важное качество, но в расценочной таблице его нет.

"По правилам американских фильд-трайльсов трехчасовой ход хорошим аллюром считается нормой". Само собой разумеется, что при этом собака нисколько не должна терять в чутье. Следовательно, формула выносливости состоит из двух компонентов:

а) способности неопределенно длительное время чутать дичь и

б) неопределенно длительное время выдерживать равномерную скорость хода и ширину поиска. Потеря от усталости одного из компонентов автоматически нивелирует и второй. Время работы и сумма работы - хорошо, когда они сочетаются в больших объемах.

И для нас важно, чтобы подружейная собака как можно дольше не теряла способности чутать и при этом не теряла в скорости (естественно, средней в пределах каждой породы) и в качестве поиска.

Для большинства, нормально содержащихся и тренированных, собак три часа работы - не показатель выносливости. Для генетических целей испытывать на выносливость имеет смысл только интересных полевику, намечаемых в производителе, а не всех подряд. И то, такую роскошь могут себе позволить испытательные станции с обширными и богатыми дичью угодьями. А где они, эти охотничьи эльдорадо? Поэтому и не прижилась в наших расценочных таблицах, заветная для многих мечтателей, графа "выносливость". И не стоит прибегать к детским уловкам, пытаясь доказать, что за полчаса можно выяснить действительную скорость и выносливость одновременно. Скорость - может быть, но не выносливость.

Можно привести массу примеров, иллюстрирующих дисгармонию двух компонентов выносливости: одна собака может скакать на хорошем аллюре три дня подряд, но перестает чутить на второй день, другая через 3-4 часа, а то и раньше; третья выдерживает хороший аллюр 3-4 часа и отказывается работать или переходит на шаг, что одно и то же. Отдохнув пару часов, снова работает и в чутье не теряет; четвертая - экономит силы, идет умеренным ходом и выдерживает несколько дней, сохраняя оба компонента, постепенно теряя только в скорости или в ширине поиска и т.д.-вариаций очень много.

В том варианте, когда пропадает чутье, а скорость сохраняется, обычны пустые стойки, иногда перемежающиеся полноценными работами - собака не "врет", а "фантазирует"- она работает по характерному месту, ничего не чуя, а в таком месте, естественно, бывает "то густо, то пусто" или "птичка"- потеря.

Когда еще свежая (при полной гармонии компонентов) опытная собака, особенно манерная, "верхочутая", приметив характерное место (моча-жинку или низинку на лугу), делает длиннейшую потяжку и обычную, по расстоянию до дичи, стойку по бекасу,... не спешите обольщаться дальностью чутья. Когда гармония нарушена (из-за усталости или "на нервной почве"), то неизбежна пустая стойка, если птицы в характерном месте не окажется ("Камбиз").

Идеальные варианты полной гармонии компонентов выносливости, да еще и в больших объемах, чрезвычайно редки, но мечтать не вредно... Хорошей выносливостью легавой собаки можно считать два дня полноценной, охоты. Кстати, яркость стиля обычно проявляется в начале работы, пока собака свежая, прежде всего это касается стиля хода.

Критикуя систему испытаний в графе "поиск". Рази приходит к выводу: "Ход собаки, в смысле объективной скорости, а не субъективного напряжения, трудно выяснить, если это действительно охотничья собака..."

Нам к этому нечего добавить и приходится признать, что для собак приблизительно одинаковых средних скоростей (или несколько выше средних) мы и сегодня удовлетворяемся приблизительными оценками. И никакой экспериментальный и даже очень научный метод здесь нас не выручит. Только резко отклоняющиеся, в ту или другую стороны, скорости могут претендовать на относительно объективную оценку.

Рассматривая определение чутья в его первом элементе, "дальности", Рази приводит интересный и поучительный отрывок из книги Доманже. Имея достаточный опыт охоты и судейства легавых по куропатке в наше время (уже 15 лет испытаний), киевляне подтверждают правильность выводов Доманже. Расстояние причувания 10 метров по одиночной перемещенной куропатке, обидевшейся достаточное время (20-30 минут), на весенних испытаниях (апрель) дает право на присуждение диплома 1 ст. По паре птиц этого расстояния будет недостаточно, нужно, как минимум, 13-14 метров.

Прошло более ста лет, а куропатки не стали пахнуть сильнее, да и чутье у основной массы собак сохранилось на прежнем уровне. В этом аспекте возникает желание сравнить требования к дальности за весь период эволюции наших Правил, начиная с 1925 года.

В Правилах 1925-1935 г.г. нет никаких прямых указаний расстояний. В комментариях к своим Правилам Гернгросс однажды указывает на приблизительное расстояние от стойки до птицы, имея в виду, очевидно, бекаса - для диплома 1 ст., как минимальное, 10-15 шагов с оценкой 20 баллов. Вверх и вниз от этой черты в 20 баллов экспертам предоставлена полная свобода самим определять "силу обоняния", сообразуясь со своим опытом, талантом и интуицией. Такой "плюрализм" совершенно не устраивал Рази, да и нас он тоже не убеждает. У Рази представление

измерения дальности (силы обоняния) другое - расстояние от начала потяжки до птицы. Расстояния тоже не указываются, но есть ссылка на Доманже.

Впервые мы находим конкретные указания-ориентиры в Правилах 1959 года по болотной дичи (бекас, дупель); расстояния измеряются шагами по схеме Рази.

Максимальный балл 10, расстояние 25 шагов, примерно 18 метров. Минимальные баллы и расстояния для дипломов:

1 ст. - 7 баллов, 14-11 шагов, в метрах 10,5-8,25, диапазон 2,25 м.

11 ст. - 6 баллов, 10-8 шагов, в метрах 7,5-6, диапазон 1,5 м.

111 ст.-5 баллов, 7-5 шагов, в метрах 5,25-3,75, диапазон 1,5 м.

Как видим, расстояния взяты по Гернгроссу (10-15 шагов - 20 бал.), но отсчет их измерения производится по Рази - разница принципиальная.

Гернгросс расценивает совместный конечный результат работы двух компонентов чутья, поэтому отсчет расстояния идет от стойки до птицы. После дифференциации чутья расстояние измеряется только для дальности - от начала потяжки до птицы.

И вдруг - космический взлет - наши собаки резко прибавили в чутье, поэтому и мерки должны быть другими. На свет Божий, без всякого обсуждения, как снег на голову, в 1973 году явились новые Правила, но продержались они недолго, только до 1976 года.

Зачем ворошить прошлое и вспоминать неудавшийся эксперимент, хотя и в масштабах страны, но ведь совершенно безобидный по сравнению с другими - скажут иные. Но не будь тех Правил, нынешние Правила во многом могли быть другими. Влияние предыдущих Правил на настоящие бесспорно, как в прогрессивном, так и в некоторых перегибах и даже курьезах. Убедитесь сами, сравнив те и другие.

Итак, требования к дальности в новых Правилах.

По болотной дичи (дупель, бекас или гаршнеп, коростель и курочка). Максимальный балл за дальность 15, расстояние 30 метров.

Минимальные баллы и расстояния для дипломов:

1 ст. - 12 баллов, 25 метров, диапазон 5м, но с делением на 3 балла.

11 ст. - 11 баллов, 18 метров, диапазон 7м .

111 ст. - 10 баллов, 12 метров, диапазон 6м.

По полевой дичи (перепел, серая куропатка и фазан):

Максимальный балл за дальность 15, расстояние 20 метров.

Минимальные баллы и расстояния для дипломов:

1 ст. - 12 баллов, 16 метров, диапазон 4м, но с делением на 3 балла.

11 ст. - 11 баллов, 12 метров, диапазон 4м.

111 ст. - 10 баллов, 8 метров, диапазон 4м.

В этих Правилах лимитируется уже не только дальность, но и верность. Высший балл за верность 10, 1ст. - 8 баллов, 11ст. -7 баллов, 111ст. - 6 баллов.

Манера причисления в комплекс "чутье" не входит.

То, что дальность и верность признаются равноценными качествами -и то и другое лимитируется - шаг вперед (вот только с количеством баллов вышла неурядица), но зачем еще лимитировать весь комплекс (суммарно), ведь и так все ясно.

Три года легашатники СССР пытались приспособиться к новым Правилам, но ничего из этого не вышло. Посыпались протесты и письма. Две больших статьи были опубликованы в "Охоте и охотничьем хозяйстве", одна - за, другая - против. Наконец, летом 1975 года был созван Всесоюзный кинологический совет (ВКС). Одной из главных тем повестки дня был вопрос о новых Правилах для легавых собак.

Комиссию по легавым возглавлял высший авторитет служебного собаководства, Александр Павлович Мазовер. Члены комиссии - делегаты от Украины, Белоруссии, Грузии, Сибири и Москвы - всего 5 человек с правом голоса (как члены ВКС) и еще 3 делегата (один от Украины и два от Московского ВОО) без права голоса. Младшему из участников было 38 лет, а старшему, Левону Александровичу Цицишвили, 95.

А. П. Мазовер, как человек деликатный и мудрый, не принимал участия в голосовании и в дебаты не вступал. Стороны (защитники "нового" и ниспровергатели этого "нового") разделились на два непримиримых лагеря в таком составе: защитники - представитель МООиРа и представитель Грузии (члены ВКС), нападающие - представитель Украины (член ВКС). Представитель Белоруссии и представитель Сибири держали нейтралитет. Три участника (не члены ВКС) сражались на стороне нападавших. Битва длилась 5 часов почти без перекуров. Председатель сдерживал стороны от рукопашной. Борьба шла за голоса мирных участников с переменным успехом, но в финале (при голосовании), со счетом 3-2, победу вырвали нападавшие. В пылу сражения стороны шли на компромиссы, в итоге был подписан мирный договор, с конкретными изменениями в Правилах. Редактировать Правила доверили москвичам, и в 1976 году, наскоро сшитые, существующие ныне Правила, освященные соответствующими инстанциями, вступили в жизнь.

Если здесь изложено что-то не так, то поправки могут внести еще два (из трех ныне здравствующих) участника той памятной баталии, живущие в Москве.

Такие подробности приводятся к тому, чтобы стала понятна "кухня" возникновения некоторых новшеств и перемен в жизни отечественного собаководства. Многие же наивно полагают, что Правила сотворены чуть ли не Создателем всего сущего, и считают святотатством даже намек на их ревизию. Нет, это не скрижали Моисея - "не святые горшки лепят". Поэтому на определенных этапах нашего кинологического и духовного развития, этого затянувшегося процесса, Правила и можно и нужно пересматривать, впрочем, как и многое другое.

Теперь рассмотрим требования к дальности в ныне существующих Правилах (по изданию 1981 года).

По болотной дичи (то же, что и в предыдущих).

Максимальный балл за дальность 10, расстояние 25 метров.

Минимальные баллы и расстояния для дипломов:

1 ст. - 8 баллов, 18 метров, диапазон 7м, но с делением на 2 балла

11 ст. - 7 баллов, 12 метров, диапазон 6 м.

111 ст. - 6 баллов, 6 метров, диапазон 6 м.

По полевой дичи (то же, что и в предыдущих).

Максимальный балл за дальность 10, расстояние 16 метров.

Минимальные баллы и расстояния для дипломов:

1 ст. - 8 баллов, 12 метров, диапазон 4м, но с делением на 2 балла

11 ст. - 7 баллов, 8 метров, диапазон 4м

111 ст. - 6 баллов, 4 метра, диапазон 4м.

Дальность и верность лимитируются одинаково.

Манеру причуивания вынуждены были вернуть в комплекс "чутье", т.к. ни у кого не хватило духа посягнуть на, освященную временем, шкалу делений по комплексам. И здесь чутье тоже лимитируется в комплексе (суммарно), что поневоле лимитирует и манеру причуивания (за 5 часов учесть все детали было невозможно, и опять же - традиция...). Подвергнув полной дифференцировке расценочную таблицу, но не меняя количества баллов в комплексах, мы вынуждены терпеть явную эклектику - разъединив потяжку и подводу в одной графе, мы их соединяем в другой (в стиле) - а куда денешься, если 15 не делится на 4, а только на 3...

Мы никак не решимся сломать архаичное "прокрустово ложе" и создать новое, удобное для современных понятий и логических построений, а тупо стараемся втиснуться в старое.

Благодаря нашей привязанности к числам, в существующих Правилах число 25 определяет высший балл за дальность по болотной дичи (когда-то в шагах, а теперь в метрах). А если быть последовательными, то число 24 более логично - диапазон возможностей для каждого балла, определяющего степень диплома, сохранялся бы одинаковым, как в расценке по полевой дичи, хотя на диапазон расстояния для диплома 1 ст. приходится 2 балла - не по логике, а случайно, из-за излишества баллов. Понятно, что перевод шагов в метры - результат компромисса, но компромисса удачного - все же метр величина более постоянная, чем шаг, особенно, если применяется рулетка, а не способ измерения "на глазок". Отвоевать 5 метров у фантастических 30 в 1975 году было совсем не просто.

Сейчас, по прошествии 25 лет действия нынешних Правил, пора поставить вопрос: соответствует ли существующая шкала расценок чутья возможностям основной массы наших собак, кстати, весьма и весьма недурных полевых работников?

Не будем спешить с ответом, а займемся элементарной статистикой. Вспомним результаты последних трех Всесоюзных состязаний легавых собак по дупелю, матчевые встречи трех республик в Белоруссии и состязания английских сеттеров в их юбилейный год. Этого, пожалуй, достаточно, хотя были и другие крупные состязания.

На первых Всесоюзных в Белоруссии (1978 г.) - один диплом 1 ст. На вторых (1984 г.) - ни одного, на третьих и последних (1990 г.), в пойме реки Волхов - один диплом 1ст. На всех матчевых встречах республик в Белоруссии, а их было не менее пяти - один диплом 1ст. На юбилейных состязаниях английского сеттера - один диплом 11ст. Все эти состязания собирали не случайных собак, а почти все лучшее, что было в Союзе.

Остановимся на последних Всесоюзных и обратим внимание на некоторые детали. Выиграл состязания английский сеттер, сука из Ярославля (та, что получила единственный диплом II ст. на юбилейных, на Горке в Белоруссии). Ведущий - мастер своего дела накануне состязаний готовил собаку 2 недели на этих же лугах. По дальности по перемещенному дупелю победительница едва дотянула до положенной нормы (18м). Второй претендент на чемпионат - пойнтер, кобель из Рязани, за неделю до Всесоюзных на этих же лугах выиграл Всероссийские состязания с диплом 1ст., но на Всесоюзных не дотянул 1,5-2 метра до положенной нормы. (Измеряли расстояния шагами, а не рулеткой, шаг же - величина растяжимая). Из всех собак, бывших на этих состязаниях, только одна собака, пойнтер, кобель из Киева, показала несомненную сверхдальность по перемещенному дупелю дважды (в одной из работ расстояние от стойки до птицы было 42 напрыганных шага), но получила диплом только 111ст.(было 2 пустых стойки). Этот кобель и раньше на матчевых встречах проигрывал поле из-за пустых стоек, показывая при этом чудеса дальности, что подтверждает правило:" цо занадто, то не здраво".

В этой связи вспоминается беседа с известными пойнтеристами Москвы, замечательными натащиками, ныне покойными Семеном Исаевичем Кремером и Виктором Александровичем Волковым, после того памятного ВКС в 1975 году. Они сетовали на то, что в Правилах оставили лимит за верность чутья. По их мнению, в чутье главное - дальность, а лимит за верность это "палка в колеса" для выдающихся собак, и приводили в пример один любопытный эксперимент с известным в 60-е годы чемпионом Крапом Кремера. Будучи в лугах на тренировке собак, Волков отмечал места слетов дупелей, втыкая веточки. На следующий день приводили Крапа и наводили на эти вешки. Кобель брал их на чутье за, 15 метров и дальше, делая твердые стойки с посылом. Потрясающе, не правда-ли? И печально одновременно. Крап был трижды перводипломник, дважды чемпион крупнейших состязаний и не меньшее количество раз проваливался из-за пустых стоек. (Полистайте подшивку "Охота и охотничье хозяйство" тех лет, там это есть). Такие собаки имеют шанс выиграть поле в одном случае - когда их номер позволяет идти первыми или по такому месту, где еще не пускали собак и поэтому нет свежих сидок птицы.

Если рассмотреть все республиканские состязания Украины по перепелу и матчевые встречи городов (под Одессой) за последние 20 лет, то невозможно вспомнить ни одного случая, чтобы на осенних состязаниях, в сентябре, был присужден диплом 1ст. Одни из последних республиканских состязаний по перепелу, в Донецкой области, выиграл курцхаар, кобель из Киева, получив единственный на этих состязаниях диплом 11ст. На весенних состязаниях по куропатке он имел диплом 1ст. и второе место. На осенних республиканских состязаниях по куропатке в 1999 году не было дипломов 1ст. Выиграл их английский сеттер, кобель из Луцка, с дипломом 11ст. На весенней матчевой встрече под Одессой, года три тому назад, поле выиграл одесский пойнтер, желто-пегий кобель (сын киевского кобеля, участника последних Всесоюзных состязаний), с дипломом 1ст., показав дальность по перемещенному перепелу за 25 метров. Пустых стоек за этим кобелем не водится, хотя он, как и его отец, работает почти без потяжки.

Вот теперь можно сделать кое-какие выводы и трезво ответить на наболевшие вопросы: кого мы водим за нос, не себя ли? Для кого мы так высоко держим планку по дальности? Только для одноклассных феноменов? Если для них, то давайте отменим лимит за верность, и вперед! Но куда?

Чтобы вернуться в реальный мир возможностей наших собак, для начала необходимо установить реальные требования к дальности, основываясь на показателях не единичных случаев, а стабильной работы лучших по-левиков, не склонных к пустостойству (при этом забыв навсегда традиционные "магические числа").

Для южных регионов, где основная дичь перепел, установить требования к дальности для весенних и осенних испытаний отдельно, т.к. многолетним опытом доказано, что весной собаки чуют перепела заметно дальше, чем летом и осенью (возможно из-за повышенной влажности, и даже цветение трав здесь не помеха). Но это решать компетентным кинологам с юга страны.

Рази отдает предпочтение дальности, полагая, что именно это качество является врожденным, а способность анализировать запахи (верность) - в какой-то степени качеством приобретенным (со ссылками на Доманже). Такая тенденция, очевидно, существовала в настроениях многих кинологов того времени, что и отразилось в Правилах после их дифференцировки, уже без сопротивления Гернгросса, твердо стоявшего на позициях равноценности обоих элементов чутья. Время рассудило оппонентов и сегодня ясно, что прав был Гернгросс.

Просто и убедительно Рази показывает место потяжке в расценочной таблице и ее роль в процессе работы легавой собаки. Объясняя роль подводки и требования к ней, он выражает взгляды того времени: "Не может быть двух мнений о том, что в подводке расценивается степень ее *плавности* и *мягкости*..."

Странно это слышать именно от Рази - жителя Ростова-на-Дону, где основная охота с легавой - перепелиная. При постоянной охоте на перепела у собак вырабатывается, как общее правило, подводка броском, иначе мало поднимешь дичи. Здесь Рази непоследователен - в подводке, как утилитарном элементе работы, важна ее функциональность - эффективная подача птицы под выстрел, а как собака это будет делать должно зависеть от ситуации.

Если в расценочной таблице есть графа "подводка", где расцениваются все ее достоинства и недостатки, то незачем присоединять ее к стойке, даже "мертвой". Хотя тугая подводка есть результат мертвой стойки, ценить и то, и другое нужно строго отдельно, т.к. их функции полярно разные.

Совершенно справедливо положение Рази о разделении требований к стойке на две категории: первая - ее функциональность, вторая - стиль стойки.

Ход, потяжка и стойка, как природные качества, должны расцениваться и в графе "стиль", подводка же, как приобретенное и сугубо утилитарное качество, к стилю отношения не имеет, во всяком случае, по логике Рази и, вообще, по сути.

По поводу графы "дрессировка" говорилось выше (о ее расценке баллами или описательным способом). Естественно, графа эта не имеет генетического значения, хотя ей во всех расценочных таблицах всегда выделяется 20 баллов (попробуй выделить меньше, куда денешь лишние баллы - их и так с избытком).

В данном случае обратим внимание на концовку сентенции Рази о дрессировке: "Этим я отнюдь не хочу сказать, что "гончих" собак нельзя снимать с испытаний и пр. Их можно и должно лишать всяких призов даже на состязаниях, но их полевые качества должны расцениваться такими, какие у них выявились".

Если собака "поганивает" после взлета птицы или выстрела, но быстро возвращается адалше, до следующего взлета птицы, ведет себя достойно, то вполне резонно расценить все ее врожденные таланты в "похвальном отзыве", но ни в коем случае диплом не присуждать. "Похвальный отзыв" должен играть роль сертификата на охотничьи качества, по тем или иным причинам не прошедшей на диплом, собаки. Диплом - тоже сертификат, только высшей пробы, с гарантией на пригодность собаки к охоте.

На испытательных станциях для этой графы вполне хватило бы и двух баллов: 1 балл - собака достойна только "похвального отзыва", 2 балла - собака проходит на диплом любой степени. На состязаниях, для поощрения трудов натасчика, во всех мельчайших подробностях можно показать уровень и дрессировки и натаски шестью, ну, максимум восьмью баллами. Язык цифр может быть очень красноречивым, если за каждым числом будет стоять, четко сформулированное, конкретное понятие.

В конце "Очерков", подводя итоги, Рази не сомневался, что "московские правила" доживают свои последние дни...Они выполнили свою историческую роль, ибо ранее ничего более совершенного им не было противопоставлено".

А. А. Рази оказался плохим пророком - с тех пор прошло три четверти века, а "московским правилам" альтернативы так и не нашлось. Старое "кинологическое здание" не разрушилось, его фундамент и несущий каркас оказались очень прочными - их надежность испытана временем.

"Первое и основное положение", выдвинутое автором "Очерков", осуществилось через 5 лет - те "испытания переменили свою фамилию" и трансформировались параллельно в испытания и состязания.

Далее он предлагает "реформу правил на основе их зачистки от схоластической пыли; создание материального полевого права, в виде четких и ясных норм по предметам испытаний, т.е. полевым качествам собаки;

проведение водораздела между признаками эстетическими, приобретенными и наследственными; и, наконец, полное изменение баллов таблицы на основе логики вещей, чтобы она впредь не давала безграничного простора фантастике судей, возможной при цифровом ее плеоназме". Лучше не скажешь.

Это конкретное предложение полностью касается наших нынешних Правил, выпуска 1976 года.

Оставляя фундамент и каркас в неприкосновенности, мы должны, избавившись от схоластической пыли и архитектурных плеоназмов (т.е. излишеств), наполнить все этажи здания, соответствующими каждому (т.е. по признакам), четкими и ясными нормами материального полевого права, лишив тем самым возможность возникновения "безграничного простора фантастике судей", как апостолов кинологии, так и неофитов.

Капитально отремонтированное, наше "кинологическое здание" (Правила и расценочная таблица) еще может простоять достаточно долго, во всяком случае, до тех пор, пока наши потомки не выстроят новое на фундаменте экспериментального метода, который мы, увы, так и не освоили, поэтому "пересчитываем зубы" (определяем силу чутья своих собак) весьма приблизительно - то шагами, то метрами, периодически меняя нормы, как правило, не соответствующие реальности.

Так приступим же к ремонту, не перекладывая на потоков то, что мы обязаны сделать сами.

И.С. Горбенко